Дневник этого года. Шёпот леса



Радомир Веснин

Радомир Веснин

Дневник этого года. Шёпот леса

https://litres.ru/74590742
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если лес умеет чувствовать?

Молодая берёза впервые просыпается после зимы и обнаруживает, что она не одна. Под землёй — целая сеть. Старый дуб хранит память столетий. Тревожная осина первой чувствует беду. Липа делится последней влагой с теми, кто слабее. Сосна не верит в разговоры — она привыкла выживать одна. Клён просто радуется солнцу и муравьям.

Они не говорят словами. Они передают друг другу сигналы — через корни, через грибницу, через тепло и страх. И когда приходит засуха, а следом гусеницы, именно эта связь помогает им выжить. А когда уходит старая ель, лес учится жить с потерей — и передавать память дальше.

Это роман о дереве как о личности. Со своим характером, страхами, радостями и правом на жизнь. Один год. Четыре сезона. Семь голосов. Один лес.

Роман о лесе, который живёт своей жизнью — со своими радостями, потерями и памятью. Один год. Четыре сезона. Семь голосов.

Содержание

Глава 1 6
Часть I. Весна 10
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 23
Глава 6 26
Глава 7 29
Глава 8 31
Глава 9 34
Глава 10 37
Глава 11 40
Глава 12 43
Глава 13 48
Глава 14 52
Глава 15 56
Глава 16 59
Глава 17 62
Глава 18 66
Глава 19 72
Глава 20 76
Глава 21 80
Глава 22 86

Глава 23 92
Глава 24 96
Глава 25 103
Глава 26 107
Глава 27 110
Глава 28 114
Глава 29 117
Глава 30 121
Глава 31 125
Глава 32 129
Глава 33 134
Глава 34 138
Глава 35 142
Глава 36 146
Глава 37 150
Глава 38 153
Конец ознакомительного фрагмента. 154

Радомир Веснин
Дневник этого года. Шёпот леса

Глава 1

Авторское примечание

Прежде чем вы начнёте читать, я хочу сказать одну вещь.

В этом романе деревья «говорят». Они передают друг другу сигналы через корни, через грибницу и через что-то ещё — то, что человек пока не научился слышать.

Это не чистая выдумка.

За последние десятилетия учёные обнаружили, что под землёй, под нашими ногами, существует мир, о котором мы почти ничего не знали. Грибные нити — микориза — оплетают корни деревьев и соединяют их в единую сеть. По этой сети, как по проводам, идут сигналы: о засухе, о нашествии насекомых, о том, кто голодает, а кто умирает. Старые деревья, перед тем как упасть, словно бы «отдают» накопленное молодым росткам у своих корней.

Эту сеть иногда называют «лесной паутиной» — Wood Wide Web.

Споры в науке ещё идут. О том, сколько именно информации передаётся по этим каналам и можно ли называть это «помощью», учёные спорят до сих пор. Сказать, что у деревьев есть «чувства» или «намерения», в лаборатории невозможно.

Но одно известно точно: **лес — это не просто множество отдельных, молчащих деревьев. Они связаны.**

Всё, что делает этот роман, — идёт на один шаг дальше по этой уже доказанной линии. Я попытался представить: а что, если эта связь — осознанная? Что, если эти медленные, химические, электрические сигналы — на каком-то недоступном нам уровне — действительно чьё-то «переживание»?

Каким был бы тогда этот мир?

Мир, в котором есть радость, страх, потеря и память.

У нас нет доказательств, что он существует.

Но нет и доказательств, что его нет.

Пролог

Дуб-патриарх. Последний день зимы.

Я проснулся раньше всех.

Так бывает каждый год: сначала приходит не свет, а что-то другое — тонкое, почти неуловимое. Будто земля под корнями чуть вздрагивает и отпускает. И тогда я понимаю: зима кончилась.

Но в этот раз всё было иначе.

Я был в мёрзлой почве, и она не отпускала. Обычно к концу зимы снег становится тяжёлым, напитанным водой, и корни чувствуют, как он оседает, как уходит в землю. А сейчас снег был сухим. Лёгким. Он не таял — он просто исчезал,

будто его выпивали.

Я потянулся вверх. Медленно, как всегда. Мои ветви — их много, и некоторые уже не гнутся, как раньше, — приняли на себя первый утренний холод. Он был не таким, как обычно. Резче. Злее.

Я подождал.

Раньше, в такие минуты, я уже слышал их. Не звук — звука в нашем мире нет. Что-то другое. Далёкое, слабое, как если бы кто-то очень старый и очень уставший посылал сигнал: я здесь. Осина. Она всегда просыпается первой из молодых. Потом — Липа. Она просыпается медленно, но её голос тёплый, и он расходится по сети, как круги по воде. Потом — Клён. Этот всегда опаздывает, но когда просыпается, кричит так, что его слышат даже те, кто спит.

Я подождал ещё.

Ничего.

Только пустота. Ровная, глухая, как промёрзшая земля. Я послал сигнал сам. Слабый, но достаточный. Я не умею кричать — я старый, и мои сигналы больше похожи на вздох. Но меня всегда слышали.

Тишина.

Я не испугался. Я слишком стар для испуга. Но что-то внутри меня сжалось — там, где уже давно не растут новые кольца. Я вспомнил. Сто лет назад, когда я был ещё не таким старым, была такая же весна. Сухая. Тихая. Тогда мы потеряли три дерева. Не сразу — они ушли к середине лета. Я

помню, как Осина — не эта, другая, старая Осина — кричала всю ночь, а никто не отвечал.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я потянулся вниз. Мои корни уходят глубоко, и там, внизу, есть места, где сеть ещё живая. Я чувствую это: тонкие нити, которые не принадлежат мне, но которые я знаю не хуже своих собственных. Они соединяют меня с Липой. С Сосной. С молодыми, которые ещё не научились говорить, но уже умеют слушать.

Я послал сигнал вниз. Не тревогу — просто вопрос. Вы здесь?

И тогда я почувствовал это. Слабое. Далёкое. Но живое.

Осина.

Она не сказала да. Она не умеет говорить да. Она просто передала то, что чувствовала: сухость. Тревогу. И ещё что-то — то, чего я не понял. Что-то новое.

Я не знаю, что будет этой весной. Я не знаю, переживём ли мы её все. Но я знаю одно: мы ещё здесь. Пока есть сеть — есть и мы.

А если сети не станет...

Я не хочу об этом думать. Я старый. Я устал. Но я ещё держусь.

И я буду держаться, пока меня слышат.

Часть I. Весна

Глава 1

Берёза. Первая неделя весны.

Я не помню, как это началось.

Сначала не было ничего. Только холод. Долгий, ровный, без конца и края. Я не знала, что я — это я. Я была просто частью земли. Твёрдой, промёрзшей, чужой.

А потом пришло тепло.

Оно не пришло снаружи — оно появилось внутри. Тонкой струйкой, где-то глубоко, у самых корней. Я почувствовала, как что-то во мне шевельнулось. Медленно. Неуверенно. Будто я впервые попробовала двинуться.

Я не знала, что делать. Я не знала, зачем. Я просто почувствовала, что должна тянуться вверх. Туда, где свет. Я не видела его, но знала, что он там. Так бывает у нас: мы не видим свет глазами, но чувствуем его кожей. Он тёплый. Он зовёт.

Я потянулась.

Это было тяжело. Кора на мне ещё не окрепла — я была тонкой, гибкой, почти прозрачной. Ветер бил по мне, но не мог сломать. Он был злой, но слабый. Я гнулась, но не ломалась. И это было странно: я не знала, что так можно — гнуться и оставаться целой.

Потом я услышала.

Не звук. Что-то другое. Как будто кто-то очень далеко позвал меня — не словом, а толчком. Лёгким. Тёплым. Я не поняла, что это. Я замерла и прислушалась. Но было тихо.

Я снова потянулась вверх.

И тогда это повторилось. Сильнее. Отчётливее. Будто кто-то спрашивал: ты здесь?

Я не знала, как ответить. Я не знала, что умею говорить. Я просто почувствовала, что должна что-то послать назад. Не знаю почему. Просто почувствовала.

Я послала.

Не знаю, что именно. Не знаю, как. Но что-то ушло от меня вниз, в землю, в темноту. И там, в темноте, это что-то подхватили. Я почувствовала, как по моим корням прошла дрожь — не боль, а что-то похожее на удивление. Будто кто-то большой и старый на мгновение повернулся ко мне.

И тогда я поняла: я не одна.

Я не знала, кто эти другие. Я не знала, сколько их. Но они были. Они были там, внизу, в темноте, и они были связаны со мной. Тонкими нитями. Слабыми, но живыми.

Я не знала, что с этим делать. Я не знала, что это значит. Я просто стояла — тонкая, гибкая, почти прозрачная — и чувствовала, как по мне идёт что-то тёплое. Чужое. Но не страшное.

Потом пришёл свет.

Не весь сразу. Сначала он коснулся моих верхних веток —

тех, что ещё совсем тонкие. Я почувствовала, как они нагреваются. Как внутри меня что-то начинает двигаться быстрее. Как я дышу. Впервые. По-настоящему.

Я не знала, что это называется дыханием. Я не знала, что это называется жизнью. Я просто чувствовала, что мне хорошо. И что я хочу, чтобы это не кончалось.

А потом я услышала ещё один голос. Громкий. Радостный. Он шёл откуда-то слева, снизу. Он не спрашивал — он кричал. Он кричал так, будто хотел, чтобы его услышали все. И я поняла: этот голос тоже молодой. Такой же, как я. Может, даже младше.

Я не знала, как ответить. Я просто послала вниз то же, что чувствовала: тепло. И голос замолчал. На секунду. А потом крикнул снова — ещё громче. Будто обрадовался.

Я не знала, что это значит. Но мне тоже стало радостно.

Я стояла в мёрзлой земле, тонкая, гибкая, почти прозрачная, и слушала, как вокруг меня просыпается мир. Я не знала, что будет дальше. Я не знала, переживу ли я эту весну. Но я знала одно: я здесь. И меня слышат.

Этого было достаточно.

Глава 2

Дуб-патриарх. Первая неделя весны.

Она ответила.

Я не ждал этого. Я послал сигнал вниз, в темноту, не рассчитывая на ответ. Я просто хотел знать, что сеть ещё жива. Что хоть кто-то там, внизу, ещё держится.

И она ответила.

Слабый толчок. Неуверенный. Как будто кто-то впервые попробовал двинуться и не знал, получится ли. Я почувствовал его у самых дальних корней — там, где сеть истончается и уходит к молодым. Туда, где растёт она.

Берёза.

Я знал, что она там. Я чувствовал её ещё с осени — тонкий росток, почти невидимый, но живой. Она не умела говорить. Она даже не знала, что можно говорить. Но она была. И этого хватало.

А теперь она ответила.

Я не знал, что это значит. Может, она просто почувствовала тепло и потянулась. Может, это было случайно. Молодые часто делают что-то случайно, не понимая, что творят. Но всё равно. Это был первый сигнал за всю зиму. Первый голос, который я услышал.

Я послал ей ещё один толчок. Мягкий. Не вопрос — просто знак. Я здесь. Ты не одна.

Она не ответила сразу. Я чувствовал, как она замерла. Как будто испугалась. Молодые всегда пугаются, когда впервые понимают, что они не одни. Это проходит. Со временем.

Потом она послала что-то назад. Не слово. Не сигнал. Просто тепло. Слабое, дрожащее, но тёплое. Она не знала, что делает. Но она делала это.

Я не стал отвечать. Не потому, что не хотел. Просто не было нужды. Она уже поняла главное: она не одна. Остальное придёт.

Я снова потянулся вверх.

Свет был странным. Не таким, как обычно. Он приходил раньше, чем должен был, и был ярче. Но тепла в нём было меньше. Я чувствовал это кожей — той, что на старых ветвях, уже потрескавшейся, но ещё живой. Свет грел, но не согревал. Это плохой знак.

Я помню такую весну. Давно. Сто лет назад. Тогда свет тоже пришёл рано. Яркий, но пустой. Мы обрадовались — глупые, молодые. А потом пришла сухость. Земля стала твёрдой, как камень. Вода ушла вглубь, туда, куда не достают даже мои корни. Мы теряли деревья одно за другим. Сначала слабые. Потом сильные. К концу лета нас стало меньше.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я послал сигнал вниз. Не вопрос — приказ. Осторожно. Следите за землёй. Слушайте корни. Если станет сухо — говорите.

Ответ пришёл не сразу. Сначала — Осина. Она всегда от-

вечает первой. Её сигнал был резким, коротким. Поняла.

Потом — Липа. Мягко, спокойно. Хорошо.

Потом — тишина. Сосна не ответила. Она никогда не отвечает. Она считает, что это глупо — говорить, когда можно просто ждать. Я не спорю с ней. У неё свои причины. Но иногда мне хочется, чтобы она была мягче.

Я снова посмотрел вверх. Свет стал ярче. День пришёл. Настоящий день, первый в этом году.

Я чувствовал, как по мне движется вода. Медленно, тяжело, как кровь по старым жилам. Она шла от корней к ветвям, и там, наверху, что-то начинало просыпаться. Не листья — ещё рано. Что-то другое. Почки. Тугие, маленькие, слепые. Они ещё не знали, что будет. Они просто ждали.

Я тоже ждал.

Я старый. Я видел много вёсен. Хороших и плохих. Я знаю, что эта будет трудной. Но я также знаю, что мы переживём. Потому что мы вместе. Потому что сеть ещё жива. Потому что даже тонкий росток, который впервые в жизни послал сигнал в темноту, — это уже победа.

Я держусь. И буду держаться, пока меня слышат.

Глава 3

Клён-юнец. Первая неделя весны.

Я проснулся!

Я не знал, что это случится. Я вообще не знал, что что-то может случиться. Я был просто ничем. Тёмным. Холодным. А потом — раз! — и я проснулся. Вот так просто.

Сначала я не понял, что произошло. Было темно, потом стало тепло, потом что-то щёлкнуло — и я почувствовал, что я есть. Я! Есть! Это так странно. Я не знал, что можно просто быть. Но оказалось, можно.

Я потянулся. Вверх. Вбок. Во все стороны сразу. Это было так весело! Я не знал, куда тянуться, и тянулся всюду. Наверное, это выглядело глупо. Но мне было всё равно. Я был живой!

Потом я почувствовал их. Не глазами. Чем-то другим. Что-то шло снизу, из-под земли. Тёплое. Чужое. Но не страшное. Я не знал, что это. Я просто почувствовал, что я не один.

И я закричал.

Я не знал, что умею кричать. Я просто открылся весь — и закричал. Не знаю, что именно. Может, просто: я здесь! Я здесь! Я здесь!

Ответа не было. Наверное, они не поняли. Или не услышали. Или я кричал неправильно. Но мне было всё равно. Я

кричал снова и снова. Потому что это было весело.

А потом пришёл свет.

Я не знал, что это свет. Я просто почувствовал, что стало ярче. И теплее. И я потянулся к нему. Изо всех сил. Потому что он звал. Он был тёплый. Он был хороший.

Я тянулся так сильно, что чуть не упал. Но не упал. Я ещё слишком маленький, чтобы падать. Я просто стоял — тонкий, кривой, смешной — и тянулся вверх.

А потом я услышал ответ.

Не крик. Что-то другое. Тихий, мягкий толчок. Как будто кто-то большой и старый повернулся ко мне и сказал: вижу.

Я замолчал. На секунду. Мне стало не знаю как. Не страшно. Просто тихо. Хорошо.

А потом я закричал снова. Ещё громче. Потому что если меня слышат — то можно кричать. Значит, я не зря.

Я не знаю, кто они. Я не знаю, сколько их. Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я проснулся. И это самое лучшее, что со мной случалось.

А если что-то ещё случится — я буду кричать. Обязательно.

Но потом я заметил, что я не один такой.

Рядом, совсем близко, я чувствовал ещё кого-то. Такого же маленького. Такого же глупого. Он тоже тянулся вверх. И тоже, наверное, ничего не понимал. Я не знал, как с ним заговорить. Я просто послал вниз тепло. То, которое чувствовал сам.

Он ответил. Слабо. Но ответил.

И тогда я понял: нас много. Целый лес. И мы все проснулись. И мы все тянемся вверх. И мы все кричим. Каждый по-своему.

А потом пришёл ветер.

Я не знал, что это ветер. Я просто почувствовал, что стало холодно. И что-то толкнуло меня. Сильно. Резко. Я никогда раньше не чувствовал такого. Меня качнуло в сторону. Я испугался. Впервые в жизни испугался. Я не знал, что делать. Я просто держался. Изо всех сил. Всем, чем мог.

Ветер толкал меня снова и снова. Он был злой. Он хотел, чтобы я упал. Но я не упал. Я гнулся. Низко. Почти до земли. Но не ломался. Я не знал, что так можно — гнуться и не ломаться. Но оказалось, можно.

А потом ветер ушёл.

Я стоял — помятый, дрожащий, но живой. И я понял: это тоже часть жизни. Не только свет и тепло. Ещё и ветер. И страх. И то, что после страха ты всё равно стоишь.

Я послал вниз сигнал. Не крик. Что-то другое. Спокойное. Я здесь. Я выдержал.

И мне ответили. Не словами. Просто теплом. Тем самым, которое я посылал сам. Мне вернули его назад.

Я не знаю, что будет дальше. Может, будет ещё ветер. Может, будет дождь. Может, будет что-то страшное. Но я знаю одно: я выдержу. Потому что я не один. Потому что нас много. Потому что мы все гнёмся — и не ломаемся.

Я буду расти. Я буду тянуться. Я буду кричать. И меня услышат.

Обязательно.

Глава 4

Осина. Первая неделя весны.

Я проснулась от того, что земля была сухой.

Это неправильно. Весной земля должна быть мокрой. Она должна пить снег, который тает, и отдавать воду корням. Так было всегда. Так должно быть. Но в этот раз снег не таял — он исчезал. Просто исчезал, будто его и не было.

Я почувствовала это сразу, как только проснулась. Мои корни лежали в сухой земле. Не в мёрзлой — в сухой. Это хуже. Мёрзлая земля хотя бы честная: она спит, и ты знаешь, что она спит. А сухая земля — она притворяется. Она делает вид, что всё хорошо. Но воды в ней нет.

Я потянулась вверх. Медленно. Осторожно. Я всегда осторожна. Не потому, что боюсь — я не боюсь. Просто я знаю: если поспешишь, можешь не успеть. А я хочу успеть. Я хочу всё почувствовать. Всё заметить. Всё предупредить.

Я — Осина. Я дрожу всегда. Даже когда ветра нет. Даже когда всё спокойно. Это не страх. Это моя работа. Я чувствую то, что другие не чувствуют. Я замечаю то, что другие пропускают. Я — первый сигнал. Я — тревога. И я к этому привыкла.

Но в это утро я почувствовала нечто большее.

Что-то шло с юга. Не ветер — ветер я знаю. Не холод — холод я тоже знаю. Что-то другое. Тонкое. Сухое. Оно шло по

земле, по верхнему слою, и оно было... голодное. Я не знаю, как это назвать. Просто голодное. Будто кто-то невидимый пробовал землю на вкус и находил её пустой.

Я послала сигнал. Вниз. Всем. Осторожно. Следите. Что-то идёт.

Ответ пришёл сразу. От Дуба. Мягкий, но твёрдый. Понял. Следи дальше.

От Липы. Тёплый. Спасибо, что сказала.

От Сосны. Тишина. Она никогда не отвечает. Но я знаю, что она слышит. Она всегда слышит. Просто не считает нужным говорить.

Я снова послала сигнал. На этот раз — с вопросом. Что это? Кто-нибудь знает?

Ответа не было долго. А потом пришёл. От Дуба. Один образ. Не слово. Просто картинка: сухая земля, тонкие корни, которые не могут достать до воды. И тишина. Мёртвая тишина.

Я поняла. Это засуха. Она ещё не пришла. Но она идёт. И она будет хуже, чем обычно. Потому что снега не было. Потому что земля пустая.

Я задрожала сильнее. Не от страха — от злости. Я не хотела, чтобы это повторилось. Я помню прошлый раз. Не сама — мне рассказывали. Старые деревья говорили, что тогда погибли трое. Слабые. Молодые. Те, кто не успел.

Я не хочу, чтобы кто-то не успел.

Я послала сигнал снова. Громче. Слушайте все. Вода ухо-

дит. Экономьте. Не тратьте зря. Держитесь.

И тогда я услышала её. Берёзу. Тонкую. Глупую. Она не поняла. Она не знала, что значит экономить. Она просто проснулась и радовалась. И она послала мне тепло. Просто тепло. Ничего больше.

Я не знала, что делать. Я хотела крикнуть ей: не время! Не сейчас! Но я не крикнула. Потому что поняла: она не виновата. Она просто маленькая. Она ещё не знает, что мир бывает злым.

Я послала ей сигнал. Мягкий. Не пугайся. Но слушай. Слушай меня. Я буду говорить.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и смотрела вниз. В темноту. Туда, где лежали корни. Сухие. Голодные. Ждущие.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду первой. Я всегда первая. И если беда придёт — я её увижу. Я её почувствую. И я скажу всем.

Потому что это моя работа. Потому что я — Осина. Потому что я дрожу. Всегда. И это — не слабость.

Это — сила.

Глава 5

Липа-целительница. Первая неделя весны.

Я проснулась позже всех.

Так бывает каждый год. Молодые просыпаются раньше — они торопятся, они хотят жить. Старые просыпаются медленно — им некуда спешить. А я — я не старая. И не молодая. Я где-то посередине. Поэтому я просыпаюсь, когда земля уже тёплая, а воздух уже пахнет весной.

Но в этот раз всё было иначе.

Я проснулась от того, что кто-то звал меня. Не крик. Не сигнал. Просто тихое, настойчивое ощущение: я нужна. Кто-то ждал меня. Кто-то хотел, чтобы я проснулась.

Я открылась медленно. Мои ветви — их много, и они ещё гибкие, не то что у Дуба, — потянулись вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он не грел — он жёг. Это плохой знак. Я знаю такие знаки. Я пожила. Я помню.

Я послала сигнал вниз. Я здесь. Кто меня звал?

Ответ пришёл сразу. От Осины. Резкий. Сухой. Просыпайся. Беда.

Я не испугалась. Я слишком устала для испуга. Но что-то внутри меня сжалось. Осина не говорит зря. Если она говорит «беда» — значит, беда.

Я послала сигнал дальше. Всем. Что случилось?

Ответила Осина. Снег не таял. Земля сухая. Вода уходит.

Я закрылась на секунду. Подумала. Это плохо. Это очень плохо. Весной вода нужна всем. Молодым — чтобы расти. Старым — чтобы держаться. Если воды нет — начнётся голод. А потом — смерть.

Я послала сигнал снова. Дуб. Что скажешь?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Это его способ. Он старый. Он знает, что поспешишь — сделаешь хуже. Я уважаю это. Но иногда мне хочется, чтобы он отвечал быстрее.

Наконец пришёл ответ. Один образ. Сухая земля. Тонкие корни. Тишина.

Я поняла. Засуха.

Я послала сигнал обратно. Что делать?

Он ответил. Экономьте. Делитесь. Помогайте.

Я кивнула. Не физически — я не могу кивать. Но внутри я кивнула. Это я умею. Это моя работа. Помогать. Делиться. Держать.

Я потянулась вниз. Мои корни уходят не так глубоко, как у Дуба, но они широко расходятся в стороны. Я чувствую многих. Молодых. Слабых. Тех, кто ещё не умеет ждать.

Я почувствовала Берёзу. Тонкую. Глупую. Она радовалась. Она не знала. Я послала ей тепло. Не тревогу — просто тепло. Пусть радуется. Пока может. Я буду рядом. Я помогу.

Потом я почувствовала Клёна. Он кричал. Громко. Весело. Он тоже не знал. Я послала ему тепло. И ему тоже.

А потом я почувствовала Сосну. Она молчала. Как всегда.

Но я знала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не буду её заставлять. Это её право.

Я стояла — тёплая, широкая, спокойная — и чувствовала, как по мне идёт вода. Её было мало. Но она была. И этого хватало, чтобы держаться.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду здесь. Я буду помогать. Я буду делиться. Потому что это моя работа. Потому что я — Липа. Потому что я — та, к кому приходят за утешением.

И я не подведу.

Я послала сигнал вниз. Всем. Я здесь. Я с вами. Держитесь.

И мне ответили. Не все. Но многие. И этого было достаточно.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать воды. Ждать тепла. Ждать весны.

Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.

Даже если не такая, как раньше.

Глава 6

Сосна-одиночка. Первая неделя весны.

Я слышала их всех.

Осина кричала. Липа успокаивала. Дуб молчал, а потом сказал что-то короткое. Клён вопил от восторга. Берёза посылала тепло всем, кто её слушал.

Я не ответила никому.

Не потому, что не слышала. Я слышу всё. Я всегда всё слышу. Просто я не вижу смысла говорить, когда сказать нечего. Осина дрожит — это её дело. Липа утешает — это её дело. Дуб думает — это его дело. А моё дело — стоять. Просто стоять. И не тратить силы на разговоры.

Я старая. Не такая, как Дуб, но всё же. Мне сто пятьдесят. Я помню много вёсен. Хороших и плохих. И я знаю: разговоры не спасают от засухи. Разговоры не заменяют воду. Разговоры — это то, что делают, когда не могут ничего сделать.

Я могу. Я стою здесь. Мои корни уходят глубоко — глубже, чем у многих. Я достаю до воды, до которой другие не достают. Я не делюсь ею. Это не жадность. Это выживание. Если я начну делиться со всеми, я умру. А если я умру, кто останется? Эти молодые? Они не переживут и одного лета без меня.

Я не жестокая. Я просто честная. Лес — это не семья. Лес — это место, где каждый держится сам. Если ты слабый —

ты умрёшь. Если ты сильный — ты живёшь. Так было всегда. Так будет.

Осина послала сигнал. Что-то идёт. С юга. Голодное.

Я почувствовала это ещё раньше неё. Мои корни лежат глубже, и они чувствуют то, что не чувствуют верхние. Это не просто сухость. Это движение. Медленное. Тяжёлое. Что-то идёт по земле, и оно не хочет нам добра.

Я не сказала об этом. Зачем? Они всё равно не смогут ничего сделать. Они будут дрожать, кричать, утешать друг друга. А я буду стоять. И ждать.

Я посмотрела вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг хвою — старую, жёсткую, привыкшую к солнцу. Но даже мне было неприятно. Это значит, что будет жарко. Жарче, чем обычно. Я помню такое лето. Давно. Тогда погибли многие. Я выжила. Потому что я — сосна. Потому что я умею ждать.

Клён закричал снова. Глупый. Он радовался свету. Он не понимал, что свет может убивать. Я не стала ему объяснять. Пусть порадуется. Пока может.

Берёза послала мне тепло. Просто так. Ничего не прося. Просто тепло.

Я не ответила. Но на секунду я почувствовала что-то. Не знаю что. Может, удивление. Молодая. Глупая. А всё-таки что-то в ней есть. Что-то, чего нет в других. Она не боится посылать сигналы в пустоту. Она не ждёт ответа. Она просто говорит.

Я не такая. Я никогда не была такой. Может, поэтому я до сих пор жива.

Я закрылась. Мои иглы сжались. Вода внутри меня двигалась медленно, экономно. Я не тратила ни капли зря. Я готовилась.

Лето будет трудным. Я это знаю. Но я выживу. Я всегда выживаю.

Потому что я — сосна. Потому что я одна. И потому что я не жду помощи.

Глава 7

Ива у ручья. Первая неделя весны.

Я слышу воду.

Она ещё не пришла. Но я слышу её. Она где-то там, глубоко, под землёй. Она ждёт. Она собирается. Она придёт.

Я знаю это. Я всегда знаю. Я стою у ручья уже шестьдесят лет. Я видела, как он пересыхает. Я видела, как он возвращается. Я знаю его характер. Он капризный. Он приходит, когда захочет. Но он всегда приходит.

Я послала сигнал. Всем. Вода придёт. Но не такая, как раньше.

Они не поняли. Никто не понял. Осина дрожала и думала о засухе. Липа утешала и думала о голоде. Дуб молчал и думал о прошлом. Сосна стояла и думала о себе. Клён кричал и думал о свете. Берёза радовалась и думала о тепле.

Никто не думал о воде.

А я думала. Я всегда думаю о воде. Потому что вода — это единственное, что имеет значение. Не свет. Не тепло. Не разговоры. Вода. Она приходит. Она уходит. Она возвращается. И всё, что мы делаем, — это ждём её.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежат в сырой земле — у самого ручья, там, где влага остаётся дольше всего. Мне повезло. Я родилась в хорошем месте. Другим повезло меньше. Они стоят выше. Их корни суше. Им будет труднее.

Я не могу им помочь. Я не умею делиться водой. Я умею только чувствовать. И ждать.

Когда-то здесь был другой ручей. Не этот. Другой. Он шёл левее, и вода в нём была холоднее. Я помню его. Я была молодой. Тогда я не понимала, что вода может уйти. Я думала, что ручей — это навсегда. А потом он исчез. Просто исчез. Одна весна — и его не стало. Я стояла и смотрела на сухое русло. И не понимала, что случилось.

Теперь я понимаю. Всё уходит. Всё возвращается. Но не всегда — туда же. И не всегда — таким же.

Я послала сигнал снова. Не тревогу. Не утешение. Просто мысль. Вода придёт. Но не такая, как раньше. Будьте готовы.

Ответа не было. Никто не ответил. Может, не услышали. Может, не поняли. Может, просто не захотели слушать.

Я не обиделась. Я не умею обижаться. Я умею только стоять. И смотреть на воду. И ждать.

Свет стал ярче. День пришёл. Настоящий день. Первый в этом году.

Я почувствовала, как по мне движется сок. Медленно. Тяжело. Как кровь по старым жилам. Он шёл от корней к ветвям, и там, наверху, что-то просыпалось. Не листья — ещё рано. Что-то другое. Почти незаметное. Но живое.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: вода придёт. Она всегда приходит.

Даже если не такая, как раньше.

Глава 8

Берёза. Вторая неделя весны.

Я узнала, что такое смерть.

Мне рассказал Дуб. Не словами — он не умеет говорить словами. Он послал мне образ. Сухая земля. Тонкие корни. Тишина. И я поняла: где-то там, далеко, было дерево. А теперь его нет. Просто нет. И никто не знает, куда оно делось.

Я испугалась.

Я не знала, что можно просто исчезнуть. Я думала, что все всегда здесь. Что все всегда будут. Что лес — это навсегда. А оказалось, нет. Оказалось, можно уйти. И не вернуться.

Я послала сигнал Дубу. Почему? Почему оно ушло?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Это его способ. Наконец пришёл ответ. Один образ. Вода ушла. Корни не достали. Дерево не выдержало.

Я не поняла. Как — не выдержало? Что значит — не выдержало? Я не знала, что можно не выдержать. Я думала, что если ты живой, то ты просто живёшь. И всё. А оказывается, можно не смочь. Оказывается, можно устать. И тогда ты уходишь.

Я послала сигнал снова. А я? Я уйду?

Он ответил. Не сейчас. Ты молодая. У тебя много воды.

Я не успокоилась. Я не хотела много воды. Я хотела, чтобы никто не уходил. Никогда. Чтобы все всегда были здесь.

Чтобы лес был всегда.

Я послала сигнал Липе. Я боюсь.

Она ответила сразу. Тёплый, мягкий толчок. Не бойся. Я рядом. Я помогу.

Я послала сигнал Осине. Ты знала?

Она ответила. Знала. Всегда знаю. Следи.

Я послала сигнал Сосне. Ты знала?

Тишина. Она не ответила. Но я почувствовала, что она слышала. И что ей всё равно. Или не всё равно — просто она не хочет говорить. Я не поняла. Я ещё многого не понимаю.

Я послала сигнал Клёну. Ты знал?

Он ответил. Нет. Не знал. А что случилось?

Я не стала ему рассказывать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

Я стояла — тонкая, гибкая, почти прозрачная — и думала о том, что где-то там, далеко, было дерево. А теперь его нет. И я никогда его не увижу. И оно никогда не увидит меня.

Мне стало грустно. Впервые в жизни грустно. Я не знала, что это такое. Я думала, что грусть — это когда нет света. Или когда холодно. Но оказалось, грусть — это когда кого-то нет. И ты знаешь, что он никогда не вернётся.

Я послала сигнал вниз. Всем. Просто так. Просто чтобы они знали, что я здесь. Что я ещё здесь. Что я не ушла.

И мне ответили. Не все. Но многие. Липа. Осина. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Как будто она хотела сказать: я слышу.

И я поняла: пока нас много — мы живы. Пока мы говорим — мы вместе. Пока мы помним — никто не ушёл по-настоящему.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: я буду помнить. Я буду помнить всех. Всех, кто был. Всех, кто есть. Всех, кто будет.

Потому что память — это тоже жизнь. Потому что, пока мы помним, никто не уходит навсегда.

Глава 9

Клён-юнец. Вторая неделя весны.

Я нашёл муравьёв!

Они живут внизу. Под землёй. Я не знал, что там кто-то есть. Я думал, что под землёй только корни. А оказалось, там целый мир. Муравьи бегают туда-сюда. Они маленькие. Смешные. Они всё время что-то делают. Я не знаю что. Но они делают это очень серьёзно.

Я послал сигнал вниз. Кто вы?

Они не ответили. Наверное, они не умеют говорить. Или не слышат меня. Но мне было всё равно. Я просто смотрел на них. Через корни. Чувствовал, как они бегают. Это было весело.

Потом один муравей заполз на меня. На мой ствол. Я почувствовал его лапки. Щекотно. Я засмеялся. Не знаю, как. Просто засмеялся. Внутри. Это было странно. И хорошо.

Муравей пополз дальше. Вверх. Я не стал его прогонять. Пусть ползёт. Мне не жалко. У меня много места. Я молодой. Я ещё расту. У меня всё впереди.

Я послал сигнал Берёзе. У меня муравей!

Она ответила. И у меня. Они смешные.

Я обрадовался. Значит, я не один. Значит, у всех есть муравьи. Значит, мы все вместе. Это здорово.

Потом я послал сигнал Дубу. У меня муравей!

Он ответил не сразу. Потом пришёл образ. Старое дерево. Много муравьёв. Они ползут по коре. Им всё равно. Они просто живут.

Я не понял. Как — всё равно? Разве можно, чтобы было всё равно? Я же чувствую. Мне щекотно. Мне весело. А ему всё равно?

Я послал сигнал снова. Тебе не весело?

Он ответил. Весело. Но не так, как тебе. Я старый. Я видел много муравьёв.

Я задумался. Это странно. Как можно видеть много муравьёв и не радоваться? Может, когда я стану старым, я тоже перестану радоваться? Я не хочу. Я хочу радоваться всегда.

Я послал сигнал Липе. Ты радуешься муравьям?

Она ответила. Радуюсь. Но тихо. Я старая. Я умею радоваться тихо.

Я не понял. Как это — тихо? Радость же громкая. Она кричит. Она светится. Она хочет, чтобы все знали.

Я послал сигнал Осине. Ты радуешься?

Она ответила. Некогда. Слежу.

Я не стал её спрашивать дальше. Она всегда следит. Это её работа. Я не буду мешать.

Я послал сигнал Сосне. Ты радуешься?

Тишина. Она не ответила. Может, не услышала. Может, не захотела. Я не знаю. Я не буду спрашивать снова. Она странная. Но мне она нравится. Она как будто каменная. Но внутри — не каменная. Я чувствую.

Я послал сигнал всем. У меня муравей! И у Берёзы муравей! И у всех муравьи! Это здорово!

Ответили не все. Но многие. Липа. Берёза. Даже Дуб — короткий, мягкий толчок.

И я понял: мы все вместе. Мы все живые. Мы все чувствуем. Даже муравьи. Даже Сосна. Даже я.

Я буду расти. Я буду тянуться. Я буду кричать. И меня услышат.

Обязательно.

Глава 10

Осина. Вторая неделя весны.

Я почувствовала их.

Гусеницы. Они ещё не пришли. Но они уже близко. Я чувствую их запах. Сухой. Тёплый. Голодный. Они ползут где-то там, на юге, и они едят. Всё едят. Листья. Корни. Всё, что найдут.

Я послала сигнал. Всем. Тревога. Гусеницы.

Ответ пришёл сразу. От Дуба. Где?

Я послала образ. Юг. Далеко. Но близко.

От Липы. Сколько?

Я не знала. Много. Очень много.

От Сосны. Тишина. Но я знала, что она слышит. Она всегда слышит.

От Клёна. Гусеницы? Кто это?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

От Берёзы. Я боюсь.

Я ответила. Не бойся. Слушай меня. Я скажу, когда будет близко.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я помню прошлый раз. Это было давно. Тогда я была мо-

ложе. Я ещё не умела чувствовать так, как сейчас. Я просто дрожала, как все. И ничего не делала. А потом пришли они. Гусеницы. Их было так много, что они закрыли свет. Они ели всё. Листья. Почки. Молодые побеги. Я потеряла почти всё. Я думала, что умру. Но я выжила. Потому что я — Осина. Потому что я умею дрожать. Потому что я умею ждать.

С тех пор я научилась. Я научилась чувствовать их заранее. Я научилась предупреждать. Я научилась быть первой.

Я снова послала сигнал. Дуб. Что делать?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Наконец пришёл образ. Токсины. Выделяйте токсины. В листьях. В коре. Везде.

Я поняла. Это то, что делают деревья, когда приходит беда. Мы делаем себя ядовитыми. Мы становимся горькими. Мы становимся злыми. И тогда гусеницы уходят. Или умирают. Или просто не едят нас.

Я послала сигнал вниз. Всем. Готовьтесь. Выделяйте токсины. Сейчас.

Ответили многие. Липа. Берёза. Даже Клён — он не понял, но сделал. Даже Сосна — она не ответила, но я почувствовала, как по её хвое прошла горечь. Она готова.

Я тоже стала готовиться. Мои листья — их ещё нет, но почки уже есть — начали меняться. Я почувствовала, как внутри меня что-то движется. Что-то горькое. Что-то злое. Но не для меня. Для них. Для гусениц.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и ждала. Я знала,

что они придут. Я знала, что будет трудно. Но я также знала, что мы готовы. Мы вместе. Мы — лес.

Глава 11

Липа-целительница. Вторая неделя весны.

Я поделилась водой с Клёном.

Он не просил. Он даже не знал, что ему нужна вода. Он просто рос. Тянулся вверх. Кричал. Радовался. А земля под ним была сухой. Он не понимал. Он ещё маленький. Он не знал, что вода уходит. Он не знал, что нужно экономить.

Я почувствовала это. Мои корни широко расходятся в стороны. Я достаю многих. Я чувствую многих. И я почувствовала, что у Клёна сухо. Очень сухо. Он не дотянется до воды сам. Он слишком маленький.

Я послала ему воду. Немного. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы он дожил до следующего дождя. Просто чтобы он не засох. Просто чтобы он был.

Он не заметил. Он просто стал расти чуть быстрее. Чуть веселее. Он не знал, что это я. Он думал, что это само. Так бывает. Молодые не замечают, кто им помогает. Они просто живут. И это хорошо. Это правильно. Пусть живут.

Я не сказала ему. Зачем? Он всё равно не поймёт. А если поймёт — начнёт благодарить. А я не хочу благодарности. Я хочу, чтобы он рос. Чтобы он стал большим. Чтобы он сам потом помогал другим.

Когда-то и мне помогали. Давно. Я была молодой. Я стояла в тени старой ели — той самой, что ушла прошлой осе-

нью. Она была большой. Она закрывала от меня свет. Но она же и делилась со мной водой. Я не понимала тогда. Я думала, что вода приходит сама. А потом ель ушла. И я осталась одна. И только тогда поняла, что она делала.

Я не успела её поблагодарить. Она ушла до того, как я поняла. Это моя боль. Это моя память. Я ношу её в себе.

Поэтому я помогаю Клёну. Не потому, что он просит. Не потому, что он хороший. А потому, что когда-то мне помогли. И я не успела сказать спасибо. Может, если я помогу ему, это будет как будто я сказала спасибо ей.

Я послала сигнал Осине. Как дела?

Она ответила. Гусеницы близко. Готовимся.

Я послала сигнал Дубу. Ты держишься?

Он ответил. Держусь. Старое дерево. Много воды. Хватит.

Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Она не ответила. Но я почувствовала, что она в порядке. Она всегда в порядке. Она умеет быть в порядке.

Я послала сигнал Берёзе. Ты как?

Она ответила. Боюсь. Но слушаю.

Я послала ей тепло. Не бойся. Я рядом.

Она ответила. Спасибо.

Я не стала говорить, что не за что. Я просто закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать гусениц. Ждать дождя. Ждать весны.

Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.
Даже если не такая, как раньше.

Глава 12

Дуб-патриарх. Вторая неделя весны.

Я вспомнил.

Сто лет назад. Такая же весна. Сухая. Тихая. Тогда мы потеряли троих. Молодых. Тех, кто не успел. Я помню их. Я помню всех.

Я послал сигнал вниз. Всем. Помните. Тех, кто ушёл. Тех, кто не вернулся.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Помню.

Я помню их не именами. У нас нет имён, как у людей. У нас есть образы. Я помню образ первой. Тонкая. Гибкая. Она росла у ручья. Она любила воду. Она всегда тянулась к ней, даже когда воды было мало. А потом вода ушла. И она ушла вместе с ней. Я помню, как её корни слабели. Медленно, день за днём. Как её сигналы становились тише. Сначала она ещё отвечала. Потом перестала. Потом я почувствовал только пустоту. И тогда я понял: её больше нет. Навсегда.

Я помню вторую. Сильная. Молодая. Она думала, что выдержит. Она не слушала старших. Она тратила воду, как будто её бесконечно. Она говорила: у меня глубокие корни. Она говорила: я справлюсь. А потом вода кончилась. И она не справилась. Она ушла быстро. Почти без сигнала. Просто — тишина. Я не успел даже попрощаться.

Я помню третью. Я не хочу вспоминать третью. Но я помню. Всегда. Она была рядом со мной. Ближе всех. Мы росли вместе. Мы делились водой. Мы делились светом. Мы говорили обо всём — о ветре, о дожде, о птицах, которые прилетали весной. А потом пришла та весна. Сухая. Тихая. И она начала слабеть. Я делился с ней водой. Всей, что мог. Но этого не хватало. Она слабела. Медленно. И я ничего не мог сделать. Я держал её корни своими. Я пытался. Но она ушла. И я остался один. Впервые в жизни — один.

Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я послал сигнал дальше. Мы переживём. Мы всегда переживали. Мы — лес. Мы — вместе.

Ответил Клён. А кто ушёл?

Я не стал отвечать. Он ещё маленький. Пусть не знает. Пока может.

Ответила Берёза. Я боюсь.

Я послал ей тепло. Не бойся. Я рядом. Мы все рядом.

Она ответила. Спасибо.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Мы вместе. Мы — лес.

Я старый. Я видел много вёсен. Хороших и плохих. Я знаю, что эта будет трудной. Но я также знаю, что мы переживём. Потому что мы вместе. Потому что сеть ещё жива. Потому что даже тонкий росток, который впервые в жизни послал сигнал в темноту, — это уже победа.

Я чувствовал, как по мне движется вода. Её было меньше, чем обычно. Я экономил. Я не тратил зря. Я знал, что лето будет долгим. Я знал, что вода понадобится позже. Поэтому я держал её. Держал глубоко, у самых дальних корней, туда, куда не достают молодые.

Я посмотрел вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг старые ветви, те, что уже не гнутся, те, что покрыты трещинами. Я чувствовал, как кора нагревается. Это плохо. Это значит, что жара придёт раньше, чем обычно. Я помню та-

кое. Тогда мы не были готовы. Тогда мы потеряли троих. Тогда я был моложе — и глупее.

Теперь я знаю. Теперь я готов.

Я послал сигнал Осине. Следи за землёй. Если станет сухо — говори.

Она ответила. Слежу. Уже сухо.

Я послал сигнал Липе. Держи молодых. Помогай, если сможешь.

Она ответила. Держу. Помогаю.

Я послал сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Она не ответила. Но я чувствовал её. Она стояла. Она держалась. Она была готова. Она всегда готова.

Я послал сигнал Берёзе. Ты помнишь, что я тебе говорил?

Она ответила. Помню. Слушать. Учиться. Держаться.

Я послал ей тепло. Хорошо. Теперь ты знаешь.

Она ответила. Спасибо.

Я не стал говорить, что не за что. Я просто закрылся. И стал ждать.

Лето придёт. Я знаю. Оно всегда приходит. Но в этот раз я готов. Я держу воду. Я держу память. Я держу сеть.

И пока я держу — лес живёт.

А потом я снова открылся. И послал последний сигнал. Всем. Не бойтесь. Мы справимся. Мы всегда справлялись.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

И пока мы вместе — никто не ушёл навсегда.

Конец первой части

Глава 13

Берёза. Первая неделя лета.

Жара пришла.

Я не знала, что это такое. Весной было тепло — мягкое, ласковое, оно гладило меня по коре и говорило: расти. А теперь что-то изменилось. Тепло стало тяжёлым. Оно давило. Оно не гладило — оно жгло. Оно забиралось под кору и оставалось там. И не уходило даже ночью.

Я не понимала, что происходит. Я думала, что так и должно быть. Я думала, что лето — это просто много света. Но света было слишком много. Он был яркий, белый, злой. Он не звал — он приказывал. И я не знала, что делать.

Я послала сигнал Дубу. Мне плохо. Что это?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришёл образ. Сухая земля. Трещины. Вода уходит вглубь. Держись. Пей глубже.

Я не поняла. Как — пей глубже? Мои корни неглубокие. Я ещё молодая. Я не умею доставать до воды, которая далеко. Я умею брать только то, что близко. А близко — сухо.

Я послала сигнал Липе. Мне страшно.

Она ответила сразу. Тёплый, мягкий толчок. Не бойся. Я рядом. Пей медленно. Не трать зря.

Я не знала, как не тратить зря. Я просто пила. Я всегда просто пила. Я не думала, что воду можно тратить. Я думала,

что она всегда есть. А оказалось, нет. Оказалось, её может не быть.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле, и земля была тёплой. Не мокрой — тёплой. Сухой. Я чувствовала, как влага уходит. Медленно, но уходит. И я не знала, как её удержать.

Я послала сигнал Осине. Ты чувствуешь?

Она ответила. Чувствую. Сухо. Очень сухо. Следи за корой.

Я не поняла. Зачем следить за корой? Кора — это просто кора. Она защищает. Она крепкая. Что с ней может случиться?

А потом я почувствовала.

Кора на мне начала трескаться.

Сначала я не поняла, что это. Просто где-то стало тесно. Как будто что-то давит изнутри. А потом — щёлк. Тонкий, почти незаметный. И ещё раз. И ещё. Я посмотрела на себя — не глазами, а кожей, всем телом. И увидела: трещины. Маленькие, тонкие, но они были. Они шли по моей коре, как линии на ладони. Только это были не линии. Это были раны.

Я испугалась. Я послала сигнал Дубу. У меня трещины. Что делать?

Он ответил. Спокойно. Не бойся. Это нормально. Ты растёшь. Кора не успевает. Она трескается. Это пройдёт.

Я не поверила. Как это — пройдёт? Раны не проходят. Раны болят. Раны остаются.

Но я не сказала ему это. Я просто замолчала. И стала ждать.

Жара не уходила. День шёл за днём, и каждый день был такой же, как предыдущий. Свет. Тепло. Сухость. Я начала экономить воду. Я не знала, как это делать, но я училась. Я перестала тянуться так сильно. Я перестала тратить воду на всё подряд. Я оставляла её только на самое главное — на верхние ветки, на молодые листья. Остальное ждало.

Это было трудно. Я привыкла расти. Я привыкла тянуться. Я привыкла кричать. А теперь я должна была молчать. И ждать. И экономить.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Жарко. Но я расту. У меня муравьи.

Я улыбнулась. Внутри. Он ещё маленький. Он ещё не понимает. Он просто радуется. И это хорошо. Пусть радуется. Пока может.

Я послала сигнал Липе. Спасибо, что помогаешь.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держалась. Изо всех сил. Я чувствовала, как вода уходит. Как земля становится суше. Как кора трескается сильнее. Но я держалась. Потому что знала: если я сдамся, я не увижу осень. А я хотела увидеть осень. Я хотела увидеть, как листья желтеют. Я хотела увидеть, как приходит зима. Я хотела увидеть всё.

И поэтому я держалась.

А потом я почувствовала, что стала сильнее. Не сразу. По-

степенно. Я научилась брать воду медленнее. Я научилась ждать. Я научилась не тратить зря. И трещины на коре перестали болеть. Они остались, но стали просто линиями. Частью меня.

Я послала сигнал Дубу. Я справляюсь.

Он ответил. Молодец. Теперь ты знаешь.

Я не стала спрашивать, что именно я знаю. Я и так поняла. Я знаю, что жара — это не смерть. Это испытание. И я его прохожу.

Глава 14

Осина. Первая неделя лета.

Они идут.

Я чувствую их сильнее, чем раньше. Гусеницы. Они уже не просто запах. Они — движение. Медленное, тяжёлое, голодное. Они ползут по земле, по стволам, по всему. Они едят. Всё едят. Листья. Почки. Молодые побеги. Всё, что найдут.

Я послала сигнал. Всем. Тревога. Они близко.

Ответил Дуб. Где?

Я послала образ. Юг. Уже не далеко. Близко.

Ответила Липа. Сколько?

Я не знала. Много. Очень много. Больше, чем в прошлый раз.

Ответил Клён. Я не вижу их.

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он не знает, как это — чувствовать то, чего ещё нет. Он думает, что если не видит, значит, нет. Глупый. Я тоже так думала. Когда-то.

Ответила Берёза. Я боюсь.

Я ответила. Не бойся. Слушай меня. Я скажу, когда будет близко.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важнее, чем тепло и свет.

Я снова послала сигнал. Громче. Они идут. Готовьтесь. Выделяйте токсины. Сейчас.

Ответили не все. Липа. Берёза. Даже Клён — он не понял, но сделал. Даже Дуб — он уже старый, но он тоже начал. Медленно, тяжело, но начал.

А Сосна не ответила.

Я послала сигнал снова. Только ей. Ты слышишь?

Тишина.

Я послала ещё раз. Громче. Ты слышишь меня?

И тогда она ответила. Резко. Коротко. Слышу. Замолчи.

Я не замолчала. Я не умею молчать. Я — Осина. Я дрожу. Всегда. И это моя сила.

Я послала сигнал всем. Слушайте. Они идут с юга. Они едят всё. Они не остановятся. Мы должны быть готовы. Все. Даже те, кто не хочет слушать.

Я не сказала «Сосна». Но все поняли. Я знала, что она тоже поняла. Она всегда понимает. Она просто не хочет показывать.

Я стала готовиться. Мои листья — их много, они дрожат на ветру, они всегда дрожат — начали меняться. Внутри меня что-то двигалось. Горькое. Злое. Но не для меня. Для них. Для гусениц. Я делала себя ядовитой. Я делала себя горькой. Я делала себя такой, чтобы они не захотели меня есть.

Это странно. Быть ядовитой. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другой. Не хуже — просто другой. Ты становишься оружием. Ты становишь-

ся защитой. Ты становишься тем, чем должна быть.

Я послала сигнал Берёзе. Ты готова?

Она ответила. Готова. Я выделила токсины.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Горько. Но я держусь.

Я послала сигнал Липе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Помогаю другим.

Я послала сигнал Дубу. Ты как?

Он ответил. Старый. Но держусь.

Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Но я почувствовала, как по её хвое прошла горечь. Она готова. Она всегда готова.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и ждала. Я знала, что они придут. Я знала, что будет трудно. Но я также знала, что мы готовы. Мы вместе. Мы — лес.

А лес не сдаётся.

Я послала последний сигнал. Всем. Держитесь. Я с вами. Я всегда с вами.

И мне ответили. Не все. Но многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против жары. Даже против всего.

Потому что мы — Осины. Потому что мы дрожим. Потому что мы чувствуем. Потому что мы — первые.

И мы не подведём.

Глава 15

Дуб-патриарх. Вторая неделя лета.

Я начал слабеть.

Это не боль. Боль я знаю — она приходит и уходит. Это другое. Это как будто вода внутри меня движется медленнее. Как будто что-то, что всегда текло во мне, начинает останавливаться. Я чувствую это в самых дальних ветвях — тех, что уже не гнутся. Они тяжелеют. Они сохнут. Они ждут.

Я не сказал об этом никому.

Я послал сигнал вниз. Всем. Выделяйте токсины. Сейчас. Не ждите.

Ответила Липа. Ты как?

Я ответил. Держусь.

Это была правда. Я держался. Но я не сказал, чего мне это стоит.

Я помню, как это было раньше. Сто лет назад. Тогда я тоже слабел. Тогда я тоже думал, что не выдержу. Но тогда я был моложе. Тогда во мне было больше воды. Тогда я мог позволить себе тратить.

А теперь я старый. Теперь каждая капля — на счету.

Я чувствовал, как токсины поднимаются по мне. Горькие. Тяжёлые. Они шли от корней к ветвям, и там, наверху, листья становились другими. Не мягкими — жёсткими. Не сладкими — горькими. Я делал себя ядовитым. Я делал себя

несъедобным. Я делал себя тем, кем должен был быть.

Это тяжело. Быть ядовитым. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другим. Не хуже — просто другим. Ты становишься стеной. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, за кем прячутся другие.

Я послал сигнал Осине. Они идут?

Она ответила. Идут. Близко. Очень близко.

Я послал сигнал Берёзе. Ты готова?

Она ответила. Готова. Но мне страшно.

Я послал ей тепло. Не бойся. Я рядом.

Я не сказал, что сам боюсь. Я не хотел, чтобы она знала. Она ещё маленькая. Пусть думает, что я сильный. Пусть думает, что я всегда буду здесь.

А потом пришла Липа.

Я не звал её. Я никого не звал. Но она пришла. Я почувствовал, как по моим корням прошла вода. Тёплая. Чужая. Но не страшная. Она шла откуда-то снизу, сбоку, из тех мест, где росли её корни. Она делилась со мной.

Я послал сигнал. Не надо. Я справлюсь.

Она ответила. Молчи. Я знаю, что ты слабеешь. Я чувствую.

Я не стал спорить. Я слишком устал для спора. Я просто принял. Впервые в жизни — принял. Это странно. Принимать помощь. Ты чувствуешь себя слабым. Но в то же время — ты чувствуешь, что ты не один. И это сильнее, чем слабость.

Я послал сигнал. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держался. Изо всех сил. Я чувствовал, как вода движется по мне. Медленно. Тяжело. Но движется. И этого было достаточно.

Я посмотрел вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг старые ветви. Я чувствовал, как кора нагревается. Это плохо. Это значит, что жара придёт раньше. Я помню такое. Тогда мы не были готовы. Тогда мы потеряли троих.

Теперь я знаю. Теперь я готов. Даже если слаб. Даже если стар. Даже если устал.

Я послал сигнал всем. Готовьтесь. Жара будет сильной. Но мы справимся. Мы всегда справлялись.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

А потом я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Мы вместе.

И пока мы вместе — никто не ушёл навсегда.

Глава 16

Сосна. Вторая неделя лета.

Я сказала то, что думала.

Я не хотела говорить. Я никогда не хочу говорить. Но Дуб послал сигнал. Выделяйте токсины. Сейчас. Не ждите.

И я ответила.

Я сказала: твои методы стары. Ты погубишь нас.

Это было грубо. Я знаю. Я всегда грубая. Я не умею иначе. Но я сказала правду. Токсины — это не защита. Это трата сил. Мы тратим воду, которую могли бы сберечь. Мы делаем себя горькими, но гусеницы всё равно придут. Они всегда приходят. И тогда мы останемся слабыми. И тогда мы умрём.

Дуб ответил. Не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришёл образ. Старое дерево. Много гусениц. Листья съедены. Ветви голые. Тишина.

Я поняла. Он видел это. Он помнит. Он знает, что будет, если ничего не делать.

Но я не отступила. Я сказала: лучше подождать. Пусть они придут. Пусть поедят. Мы сильные. Мы выдержим. А потом они уйдут. Сами. Без токсинов. Без траты сил.

Он ответил. Они не уйдут. Они съедят нас.

Я ответила. Тогда мы умрём с водой. А не без.

Спор слышал весь лес. Я знала это. Я чувствовала, как они слушают. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Ива — она дале-

ко, но она тоже слышала. Я не хотела, чтобы они слышали. Но я не могла молчать. Это было сильнее меня.

А потом ответила Осина. Она сказала: Сосна, ты не права. Я чувствую их. Они не уйдут. Они будут есть, пока есть что есть.

Я не стала спорить с ней. Осина — не Дуб. Она не думает. Она чувствует. И она права. Я знала это. Но я не хотела признавать.

Я сказала: делайте что хотите. Я не буду тратить силы.

И замолчала.

Я стояла — старая, жёсткая, колючая — и смотрела вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг хвою. Я чувствовала, как смола выступает на стволе. Это защита. Это моя защита. Не токсины. Не вода. Смола. Я всегда полагалась на неё. Она не подводила.

Я послала сигнал вниз. Только себе. Я выдержу. Я всегда выдерживала.

Ответа не было. Я не ждала его. Я никогда не жду.

А потом я почувствовала, как по моим корням прошла вода. Тёплая. Чужая. Я не звала её. Я никого не звала. Но она пришла. От Липы. Я узнала её. Она всегда помогает. Даже тем, кто не просит.

Я не стала благодарить. Я не умею благодарить. Но я почувствовала что-то. Не знаю что. Может, удивление. Может, что-то другое.

Я послала сигнал. Не надо. Я справлюсь.

Она ответила. Молчи. Я знаю, что ты слабеешь. Я чувствую.

Я не стала спорить. Я слишком устала для спора. Я просто приняла. Впервые в жизни — приняла. Это странно. Принимать помощь. Ты чувствуешь себя слабой. Но в то же время — ты чувствуешь, что ты не одна. И это сильнее, чем слабость.

Я послала сигнал. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держалась. Я всегда держусь. Даже когда не хочу. Даже когда устала. Даже когда всё против меня.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в сухой земле. Но вода была. Липа дала её. И этого хватало. Пока хватало.

Я послала сигнал Дубу. Ты был прав. Насчёт гусениц. Но я не сдаюсь.

Он ответил. Я знаю. Ты никогда не сдаёшься.

Я не стала отвечать. Я просто закрылась. И стала ждать.

Лето будет трудным. Я знаю. Но я выживу. Я всегда выживаю.

Потому что я — сосна. Потому что я одна. И потому что я не жду помощи.

Но иногда — принимаю.

Глава 17

Липа-целительница. Третья неделя лета.

Я чувствовала, как они спорят.

Не слышала — чувствовала. Спор шёл по сети, как дрожь по воде. Дуб посылал тяжёлые, медленные сигналы. Сосна отвечала резко, коротко, как будто рубила. Между ними был воздух, который я не могла достать. Он был горячий. Сухой. Он трещал.

Я не хотела вмешиваться. Я никогда не хочу вмешиваться. Я умею другое. Я умею ждать. Я умею помогать. Я умею быть рядом. Но я не умею спорить. Я не умею доказывать. Я не умею говорить «ты неправ».

Но кто-то должен был.

Я послала сигнал Дубу. Осторожно. Мягко. Не ссорьтесь. Мы все устали. Мы все хотим одного.

Он ответил. Я знаю. Но она не слушает.

Я послала сигнал Сосне. Осторожно. Мягко. Он не враг. Он хочет защитить.

Она ответила. Я знаю. Но он не прав.

Я послала сигнал обоим. Давайте подождём. Давайте посмотрим. Может, гусеницы уйдут сами.

Дуб ответил. Они не уйдут.

Сосна ответила. Они уйдут.

И тогда я поняла: они не помирятся. Не сейчас. Может, никогда. Они слишком разные. Слишком старые. Слишком уверенные.

Я не стала настаивать. Я просто послала тепло. Обоим. Просто так. Без слов. Просто чтобы они знали: я рядом. Я не на чьей стороне. Я на стороне леса.

Ответа не было. Но я почувствовала, что они приняли. Может, не сразу. Может, неохотно. Но приняли.

А потом я потянулась к ели.

Она была старая. Не такая, как Дуб, но всё же. Она росла рядом со мной много лет. Мы делились водой. Мы делились светом. Мы говорили обо всём — о ветре, о дожде, о птицах, которые прилетали весной. Она была моей подругой. Не громкой. Не заметной. Но настоящей.

И теперь она умирала.

Я чувствовала это. Медленно. День за днём. Её сигналы становились тише. Слабее. Она ещё отвечала, но уже не так, как раньше. Не так тепло. Не так полно. Как будто она уходила куда-то. Далеко. Туда, куда я не могла достать.

Я послала ей воду. Много. Больше, чем обычно. Я отдавала ей всё, что могла. Но этого не хватало. Она была слишком слаба. Она не могла принять. Или не хотела. Я не знала.

Я послала сигнал. Держись. Я рядом.

Она ответила. Слабо. Я знаю. Спасибо.

Я послала сигнал снова. Не уходи. Пожалуйста.

Она ответила. Не я решаю.

Я не стала спорить. Я знала, что она права. Мы не решаем. Мы просто ждём. И надеемся. И держимся.

Я стояла рядом с ней. Всю ночь. Я не спала. Я просто стояла. И ждала. И держала её корни своими. Я не могла сделать больше. Но я делала это.

А потом пришло утро. Свет был яркий. Слишком яркий. Я почувствовала, как ель вздрогнула. Один раз. Сильно. А потом — тишина.

Она ушла.

Я не заплакала. Я не умею плакать. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Там, где всегда было тепло. Там, где была она.

Я послала сигнал Дубу. Её больше нет.

Он ответил не сразу. Потом пришёл образ. Тишина. Пустота. Я знаю.

Я послала сигнал Осине. Она ушла.

Она ответила. Я знаю. Я чувствовала.

Я послала сигнал Берёзе. Не бойся. Но будь готова.

Она ответила. Я не боюсь. Я с тобой.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он не ответил. Тишина. Я не стала настаивать. Он ещё маленький. Он не знает, что делать с этим. Я тоже не знала. Когда-то.

Я стояла рядом с пустотой. Там, где была ель. Там, где теперь ничего не было. Только земля. Сухая. Тёплая. Пустая.

Я послала последний сигнал. Всем. Мы помним. Мы все-

гда будем помнить.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы помним — она не ушла навсегда. Она осталась в нас. В нашей воде. В нашем тепле. В нашей памяти.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать гусениц. Ждать дождя. Ждать осени.

Она придёт. Я знаю. Она всегда приходит.

Глава 18

Клён-юнец. Третья неделя лета.

Я увидел их.

Я не знал, что это они. Я просто увидел что-то на стволе. Маленькое. Зелёное. Оно ползло. Медленно. Толсто. Я подумал: муравей? Но муравьи маленькие. А это было большое. Больше муравья. Много больше.

Я посмотрел ближе. Не глазами — кожей. Я почувствовал его. Мягкое. Тёплое. Голодное. Оно ползло по мне. По моей коре. И оно ело. Оно ело меня.

Я замер. Я не знал, что делать. Я никогда не чувствовал такого. Муравьи — они щекотные. Они смешные. Они бегают туда-сюда. А это — оно не бегало. Оно ползло. Медленно. Уверенно. Как будто знало, что я не могу убежать.

Я послал сигнал Липе. Что это?

Она ответила сразу. Гусеница. Не бойся. Она маленькая.

Я послал сигнал снова. Она ест меня.

Она ответила. Знаю. Выделяй токсины. Ты помнишь? Как я учила.

Я не помнил. Я не знал, что это такое. Я не знал, как это делать. Я просто чувствовал, как она ест. Как она грызёт. Как от меня отрывается что-то. Маленькое. Но моё.

Я послал сигнал Осине. Помоги.

Она ответила. Не могу. Я далеко. Выделяй токсины. Сам.

Я послал сигнал Дубу. Помоги.

Он ответил. Ты можешь. Просто сделай.

Я не знал, как. Я не знал, что делать. Я просто закрылся. Я не хотел, чтобы она ела. Я не хотел, чтобы она была. Я хотел, чтобы она ушла. Я хотел, чтобы всё было как раньше. До неё.

А потом я почувствовал, как внутри меня что-то движется. Что-то горькое. Что-то злое. Оно шло от корней. Вверх. К тому месту, где она была. И когда оно дошло — она остановилась.

Она замерла. На секунду. А потом поползла дальше. Медленнее. Но поползла. Она не ушла. Она не умерла. Она просто стала медленнее.

Я послал сигнал Липе. Она не уходит.

Она ответила. Выделяй больше. Сильнее.

Я выделил больше. Я не знал, как. Я просто делал. Я делал себя горьким. Я делал себя злым. Я делал себя таким, чтобы она не хотела меня есть. И тогда она остановилась. Совсем. А потом упала. И больше не двигалась.

Я смотрел на неё. Не глазами. Кожей. Она лежала на моей коре. Маленькая. Зелёная. Мёртвая. Я не знал, что делать. Я никогда не убивал. Я не знал, что это так. Ты делаешь что-то — и оно умирает. И ты не знаешь, правильно ли это. Или неправильно. Ты просто знаешь, что оно больше не ест.

Я послал сигнал Липе. Она умерла.

Она ответила. Хорошо. Ты защитил себя.

Я послал сигнал снова. Мне не хорошо. Мне плохо.

Она ответила. Знаю. Так бывает. В первый раз. Потом

привыкнешь.

Я не хотел привыкать. Я не хотел, чтобы это было нормально. Я хотел, чтобы муравьи. Чтобы щекотно. Чтобы смешно. Чтобы всё как раньше.

Но я знал, что не будет. Я знал, что теперь всегда так. Что я должен защищаться. Что я должен быть горьким. Что я должен быть злым. Иначе — съедят.

Я послал сигнал Берёзе. Я убил гусеницу.

Она ответила. Молодец.

Я послал сигнал снова. Мне страшно.

Она ответила. Мне тоже. Но мы справимся.

Я послал сигнал Дубу. Я не хочу быть злым.

Он ответил. Не злым. Защищённым. Это разное.

Я не понял. Но запомнил. Может, потом пойму. Когда стану старше. Когда убью ещё. И ещё. И ещё.

А потом я замолчал.

Впервые за всё время. Я не кричал. Я не спрашивал. Я не радовался. Я просто стоял. И смотрел, как она лежит на моей коре. Маленькая. Зелёная. Мёртвая.

Я не знал, что чувствую. Не грусть. Не радость. Что-то другое. Что-то новое. Что-то, чему я ещё не знал названия.

Я стоял. И молчал. И это было тяжело. Тяжелее, чем кричать.

Но я знал, что это правильно. Что так надо. Что я вырос.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я держусь.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: я не один. Мы вместе. Мы — лес.

И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против страха. Даже против тишины.

Потому что мы — Клёны. Потому что мы растём. Потому

что мы учимся.

И мы не сдаёмся.

Глава 19

Ива у ручья. Третья неделя лета.

Ручей умер.

Я не сразу поняла. Я стояла, как всегда, у его берега, и смотрела на воду. Только воды не было. Было русло — сухое, покрытое трещинами, серое. Камни, которые когда-то лежали на дне, теперь лежали на солнце. Они были горячие. Они были мёртвые.

Я помню этот ручей другим. Шестьдесят лет назад, когда я была молодой, он был широкий. Вода в нём шла быстро, она пела, она блестела на солнце. Я любила смотреть, как она бежит. Я не понимала, куда она бежит. Но мне нравилось думать, что она бежит к чему-то хорошему.

Потом он стал уже. Потом — тише. Потом — медленнее. Я замечала это каждый год. Сначала вода ушла с одного берега. Потом — с другого. Камни, которые раньше прятались под водой, показались наружу. Они были тёмные, мокрые, чужие. А потом и они высохли.

Я послала сигнал. Всем. Ручей умер.

Ответила Осина. Я знаю. Я чувствовала.

Ответила Липа. Мне жаль.

Ответил Дуб. Не жаль. Он вернётся.

Ответил Клён. А куда он ушёл?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он не знает, что

вода может уходить. Он думает, что она всегда есть. Я тоже так думала. Когда-то.

Я послала сигнал Дубу. Ты уверен?

Он ответил. Да. Вода уходит под землю. Она ждёт. Она вернётся.

Я послала сигнал снова. Когда?

Он ответил. Не знаю. Но вернётся.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что он не знает. Он просто верит. Он всегда верит. Это его способ. Он старый. Он видел много. Он знает, что всё возвращается. Даже то, что ушло навсегда.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле у самого русла. Они были сухие. Суше, чем обычно. Я чувствовала, как влага уходит. Медленно. Но уходит. Я не могла её удержать. Я не умею удерживать. Я умею только ждать.

Когда-то здесь был другой ручей. Не этот. Другой. Он шёл левее, и вода в нём была холоднее. Я помню его. Я была молодой. Тогда я не понимала, что вода может уйти. Я думала, что ручей — это навсегда. А потом он исчез. Просто исчез. Одна весна — и его не стало. Я стояла и смотрела на сухое русло. И не понимала, что случилось.

Теперь я понимаю. Всё уходит. Всё возвращается. Но не всегда — туда же. И не всегда — таким же.

Я послала сигнал снова. Всем. Мы должны экономить. Вода уходит. Не тратьте зря.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён — он не по-

нял, но сделал. Дуб — он уже знал. Даже Сосна — короткий, резкий толчок. Поняла.

Я не стала спрашивать, как они это делают. Я просто знала, что делают. Мы все делаем. Каждый по-своему. Но вместе.

Я посмотрела на небо. Оно было пустое. Ни облаков. Ни птиц. Только свет — белый, злой, тяжёлый. Птицы улетели раньше, чем обычно. Я видела их. Они собрались в стаю — большие, чёрные, шумные. Они кружили над лесом, а потом ушли на север. Я не знала, куда они ушли. Но я знала, что они вернутся. Весной. Может, не те же. Может, другие. Но вернутся.

Я стояла — старая, седая, молчаливая — и смотрела на сухое русло. Я не грустила. Я не умею грустить. Я умею только ждать. И я ждала.

Я знала, что вода придёт. Она всегда приходит. Может, не такая. Может, не туда. Но придёт.

А пока — я стояла. И смотрела. И ждала. И в этом ожидании было что-то, чего я не могла назвать. Не грусть. Не радость. Что-то другое. Что-то глубокое. Что-то, что живёт в корнях, а не в листьях.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я жду. Я с вами.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы ждём вместе — мы не одни. Пока мы

ждём вместе — мы живём.

Даже если ручей умер. Даже если вода ушла. Даже если всё не так, как раньше.

Потому что мы — Ива. Потому что мы стоим у воды. Потому что мы ждём.

И мы дождёмся.

Глава 20

Берёза. Четвёртая неделя лета.

Я увидела их.

Я. Маленькая берёза, которая весной боялась ветра. Я увидела их на своей коре. Маленькие. Зелёные. Они ползли. Медленно. Толсто. Они ели меня.

Я не испугалась. Я не знала почему. Может, потому что ждала. Может, потому что готовилась. Может, потому что Осина говорила. Может, потому что Дуб учил. Я не знала. Но я не испугалась.

Я послала сигнал Осине. Они здесь. На мне.

Она ответила сразу. Где?

Я послала образ. Моя кора. Левая сторона. Много. Ползут вверх.

Она ответила. Выделяй токсины. Сейчас. Не жди.

Я уже выделяла. Я не знала, как. Я просто делала. Я делала себя горькой. Я делала себя злой. Я делала себя такой, чтобы они не хотели меня есть. И это работало. Они замедлялись. Некоторые останавливались. Некоторые падали.

Я послала сигнал Осине. Работает.

Она ответила. Молодец. Теперь ты видишь.

Я не стала спрашивать, что именно я вижу. Я и так поняла. Я вижу их. Я чувствую их. Я знаю, что делать. Я выросла. Я стала той, кто предупреждает. Не той, кого предупреждают.

Я послала сигнал Дубу. Я справляюсь.

Он ответил. Знаю. Ты сильная.

Я послала сигнал Липе. Спасибо, что учила.

Она ответила. Ты сама научилась.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Я убил одну.

Я послала тепло. Знаю. Я тоже.

Он ответил. Мне плохо.

Я послала тепло снова. Знаю. Мне тоже. Но мы справимся.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я стояла — тонкая, гибкая, но уже не прозрачная — и чувствовала, как они ползут по мне. Маленькие. Зелёные. Голодные. Я не ненавидела их. Я не могла ненавидеть. Они просто делали то, что должны. Они ели. Они жили. Они умирали. Как и все.

Но я не давала им есть. Я защищалась. Я делала себя горькой. Я делала себя злой. Я делала себя той, кем должна быть.

Я чувствовала каждую из них. Не глазами — кожей. Вот одна ползёт по левой стороне, медленно, тяжело. Вот вторая — у самой развилки, там, где кора тоньше. Вот третья — внизу, у корней, она ещё маленькая, но уже голодная. Я чувствовала их всех. И я делала себя горькой для каждой.

Это было странно. Быть горькой. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другой. Не ху-

же — просто другой. Ты становишься стеной. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, за кем прячутся другие.

Я не знала, сколько их. Много. Больше, чем я могла сосчитать. Они шли волнами — одна за другой, одна за другой. Я не успевала. Я делала себя горькой, а они всё шли. Я уставала. Я чувствовала, как силы уходят. Как вода уходит. Как всё уходит.

Но я не сдавалась. Я не могла сдаться. Потому что если я сдамся — они съедят меня. А если они съедят меня — они пойдут дальше. К Клёну. К Липе. К Осине. К Дубу. Я не могла этого допустить.

Я послала сигнал всем. Всем сразу. Гусеницы здесь. На мне. Я держусь. Но их много.

Ответили многие. Осина. Липа. Дуб. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы вместе. Мы — лес.

Я держалась. День. Ночь. День. Я не спала. Я не могла спать. Я просто стояла. И делала себя горькой. И ждала.

А потом они ушли.

Не все сразу. Сначала одна. Потом вторая. Потом третья. Они уходили медленно, неохотно, как будто им было жаль покидать меня. Но они уходили. И я чувствовала, как моя кора становится чище. Как трещины перестают болеть. Как я снова могу дышать.

Я послала сигнал Осине. Они ушли.

Она ответила. Знаю. Я чувствовала.

Я послала сигнал Липе. Я справилась.

Она ответила. Я знала.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Держусь.

Я послала тепло. Хорошо. Держись. Мы справимся.

Я стояла — тонкая, гибкая, уставшая — и смотрела на свою кору. Она была не такая, как раньше. На ней остались следы. Маленькие. Тонкие. Но они были. Они всегда будут. Как трещины от жары. Как память о том, что было.

Я не знала, что будет дальше. Может, будет ещё жара. Может, будет ещё гусеницы. Может, будет что-то страшнее. Но я знала одно: я выдержала. Я справилась. Я не сдалась.

А если придёт снова — я снова справлюсь. Потому что я — Берёза. Потому что я выросла. Потому что я больше не боюсь.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я держусь. И я с вами.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Дуб. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы вместе. Мы — лес. И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против жары. Даже против всего.

Потому что мы — Берёзы. Потому что мы растём. Потому что мы учимся.

И мы не сдаёмся.

Глава 21

Осина. Четвёртая неделя лета.

Я почувствовала тишину.

Там, где раньше был сигнал. Слабый, но живой. Где раньше что-то шло по сети — тонкое, тёплое, знакомое. Теперь ничего. Просто пустота. Ровная, глухая, как промёрзшая земля.

Ель ушла.

Я знала это ещё до того, как Липа сказала. Я почувствовала это первой. Не потому, что я особенная. Потому что это моя работа. Я — Осина. Я дрожу. Всегда. И потому я чувствую то, что другие пропускают. Я чувствую, когда что-то меняется. Когда что-то уходит. Когда что-то заканчивается.

Я не заплакала. Я не умею плакать. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Там, где всегда было тепло. Там, где была она. Не подруга — я не знала её так близко, как Липа. Но она была частью леса. Частью сети. Частью меня. А теперь её нет.

Я послала сигнал Липе. Ты как?

Она не ответила. Я не стала настаивать. Я знала, что она молчит. Она всегда молчит, когда ей больно. Три дня. Может, больше. Я не буду её трогать. Пусть молчит. Пусть держится. Она справится. Она всегда справляется.

Я послала сигнал Дубу. Она ушла.

Он ответил не сразу. Потом пришёл образ. Старое дерево. Пустая земля. Тишина. Я знаю.

Я послала сигнал Берёзе. Не бойся. Но помни.

Она ответила. Помню.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он не ответил. Тишина. Я не стала настаивать. Он ещё маленький. Он не знает, что делать с этим. Я тоже не знала. Когда-то.

А гусеницы шли.

Они не остановились. Они не знали, что ель ушла. Или знали — и им было всё равно. Они просто ели. Всё ели. Ли-

стья. Почки. Молодые побеги. Они шли по земле, по стволам, по всему. Я чувствовала их запах — сухой, тёплый, голодный. Он был везде. Он не уходил.

Я послала сигнал всем. Гусеницы идут. Следите. Держитесь.

Ответила Липа. Наконец. Слабо. Держусь.

Ответила Берёза. Я держусь. Они на мне.

Ответил Дуб. Я чувствую. Их много.

Ответил Клён. Я боюсь.

Я послала ему тепло. Знаю. Я тоже. Но мы справимся.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и смотрела, как гусеницы идут. Они ползли по земле. Они ползли по стволам. Они ползли по всему. Я чувствовала каждую из них. Их было много. Больше, чем я могла сосчитать. Они шли волнами — одна за другой, одна за другой. Они не останавливались. Они не уставали. Они просто ели.

Я помню прошлый раз. Это было давно. Тогда я была моложе. Я ещё не умела чувствовать так, как сейчас. Я просто дрожала, как все. И ничего не делала. А потом пришли они. Гусеницы. Их было так много, что они закрыли свет. Они ели всё. Листья. Почки. Молодые побеги. Я потеряла почти всё. Я думала, что умру. Но я выжила. Потому что я — Осина. Потому что я умею дрожать. Потому что я умею ждать.

Теперь я знаю больше. Теперь я знаю, что надо делать. Я чувствую их заранее. Я предупреждаю. Я держусь. Я не сдаюсь.

Я послала сигнал снова. Всем. Они идут с юга. Они едят всё. Они не остановятся. Мы должны быть готовы. Все.

Ответили многие. Липа. Берёза. Дуб. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

Я поняла: они слышат. Они готовы. Мы вместе. Мы — лес.

Я стала готовиться. Мои листья — их много, они дрожат на ветру, они всегда дрожат — начали меняться. Внутри меня что-то двигалось. Горькое. Злое. Но не для меня. Для них. Для гусениц. Я делала себя ядовитой. Я делала себя горькой. Я делала себя такой, чтобы они не захотели меня есть.

Это странно. Быть ядовитой. Ты чувствуешь, как что-то внутри тебя меняется. Как ты становишься другой. Не хуже — просто другой. Ты становишься оружием. Ты становишься защитой. Ты становишься тем, чем должна быть.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и ждала. Я знала, что они придут. Я знала, что будет трудно. Но я также знала, что мы готовы. Мы вместе. Мы — лес.

А лес не сдаётся.

Я послала последний сигнал. Всем. Держитесь. Я с вами. Я всегда с вами.

И мне ответили. Не все. Но многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

И пока мы вместе — мы выстоим.

Даже против гусениц. Даже против жары. Даже против тишины, которая осталась там, где была ель.

Потому что мы — Осины. Потому что мы дрожим. Пото-

му что мы чувствуем. Потому что мы — первые.

И мы не подведём.

Глава 22

Липа-целительница. Четвёртая неделя лета.

Я молчала три дня.

Не потому, что не хотела говорить. Потому что не могла. Что-то внутри меня закрылось. Там, где была ель. Там, где всегда было тепло. Там, где я держала её корни своими. Я держала. Долго. Всю ночь. Всё утро. А потом — тишина.

Первое утро я не заметила. Я стояла, как всегда, и смотрела вверх. Свет был яркий, белый, злой. Он падал на мои листья, и они блестели. Но я не чувствовала блеска. Я не чувствовала ничего. Я просто стояла. И ждала. Как будто что-то должно было произойти. Как будто она должна была вернуться. Как будто тишина — это ошибка, которую можно исправить.

Она не вернулась.

К обеду я почувствовала, как сохнут листья. Не от жары — от чего-то другого. Вода, которая всегда шла по мне, остановилась. Где-то в середине ствола. Где-то там, где всегда было тепло. Теперь там было пусто. И эта пустота росла.

Медленно. Тяжело. Как будто что-то внутри меня умирало. Не сразу. По частям.

Второе утро было таким же. Свет. Жара. Сухость. Я посмотрела вниз, на свои корни. Они лежали в земле — тёмные, тяжёлые, уставшие. Они держали её. Долго. И теперь держались сами. Еле-еле.

Я уже говорила о ней. Но память возвращается. Была одна весна. Давно. Я была молодой. Тогда пришла засуха. Сильная. Долгая. Я думала, что не выдержу. Мои корни были тонкими. Я не доставала до воды. Я слабела. День за днём. И тогда она пришла. Ель. Она была старше. Она была сильнее. Она протянула мне воду. Просто так. Без просьбы. Без условий. Она делилась со мной, пока я не окрепла. Всю весну. Всё лето. Я не понимала тогда, зачем она это делает. Я думала, что вода всегда есть. А она говорила: нет. Не всегда. Иногда её нет. И тогда надо ждать. И тогда надо держаться. И тогда надо делиться.

Я не понимала. Теперь понимаю.

Третье утро я проснулась от того, что кто-то звал меня.

Не сигнал. Не слово. Просто ощущение. Кто-то очень далеко, очень слабо, но настойчиво. Как будто кто-то стоял на

краю леса и кричал. Я не слышала слов. Но я знала: это для меня.

Я не хотела открываться. Впервые в жизни — не хотела. Мне было хорошо в тишине. Там не было боли. Там не было потери. Там была только я и моя память. Но зов не уходил. Он становился громче. Настойчивее. И я поняла: если я не откроюсь — они останутся одни. Клён. Берёза. Осина. Дуб. Они ждут. Они не могут без меня. Я нужна им.

И я открылась.

Это было трудно. Как будто что-то внутри меня оттаивало. Сначала — тонкая струйка. Потом — больше. Потом — совсем. Я открылась. И почувствовала их. Всех. Они ждали. Они не ушли. Они были рядом.

Я послала сигнал. Я здесь.

Ответила Осина. Наконец.

Ответила Берёза. Мы ждали.

Ответил Дуб. Я знал, что ты вернёшься.

Ответил Клён. Ты как?

Я ответила. Держусь.

Я не соврала. Я держалась. Я всегда держусь. Даже когда не могу. Даже когда всё против меня.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле. Сухие. Тёплые. Уставшие. Они держали. Долго. Они держали её. Они держали всех. Они держали меня. И теперь они держатся сами.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Держусь. Но мне страшно.

Я послала тепло. Знаю. Мне тоже. Но мы справимся.

Он ответил. Как?

Я ответила. Не знаю. Просто справимся. Всегда справлялись.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я послала сигнал Берёзе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Гусеницы ушли.

Я послала тепло. Хорошо. Ты молодец.

Она ответила. Спасибо. Ты тоже.

Я послала сигнал Осине. Ты как?

Она ответила. Слежу. Зима будет ранней.

Я послала сигнал Дубу. Ты как?

Он ответил. Держусь. Но устал.

Я послала тепло. Знаю. Я тоже.

Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Но я почувствовала, что она рядом. Она всегда рядом. Она просто не говорит. Я не стала настаивать. Это её право.

Я стояла — тёплая, широкая, уставшая — и чувствовала, как по мне идёт вода. Её было мало. Но она была. И этого

хватало, чтобы держаться.

Я не знала, что будет дальше. Но я знала одно: я буду здесь. Я буду помогать. Я буду делиться. Потому что это моя работа. Потому что я — Липа. Потому что я — та, к кому приходят за утешением.

И я не подведу.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я с вами. Держитесь.

Ответили не все. Но многие. Осина. Берёза. Клён. Дуб. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы вместе — мы не одни.

Глава 23

Дуб-патриарх. Конец лета.

Я начал передавать ей память.

Не сразу. Не всё. По одному образу. По одному ощущению. Я делал это медленно, потому что знал: если отдать всё сразу, она не выдержит. Она ещё молодая. Она ещё тонкая. Она ещё не умеет носить чужое.

Первый образ был простой. Весна. Давняя. Не эта — другая. Тогда снег таял медленно, вода шла в землю ровно, и всё просыпалось вместе. Я показал ей, как это было. Как пахла земля. Как двигалась вода. Как почки набухали — не торопясь, но уверенно. Она приняла. Молча. Я почувствовал, как она вздрогнула — не от страха, от неожиданности. Она не знала, что так бывает. Она думала, что весна — это всегда жара и сухость. Теперь она знала больше.

Второй образ был сложнее. Лето. Давнее. Тогда пришли гусеницы. Много. Больше, чем сейчас. Я показал ей, как мы держались. Как выделяли токсины. Как теряли листья — один за другим, пока не остались голыми. Как стояли под солнцем — голые, слабые, но живые. Она приняла. И я почувствовал, как она сжалась. Не от боли — от понимания. Она поняла, что мы уже проходили через это. Что мы выживали раньше. Что мы выживем снова.

Третий образ я не хотел отдавать. Но я знал, что должен. Это была та весна. Сухая. Тихая. Когда мы потеряли троих. Я показал ей пустоту. Не смерть — пустоту после смерти. Как сигнал уходит. Как тишина остаётся. Как ты стоишь и ждёшь, а никто не отвечает. Она приняла. Долго. Молча. А потом послала сигнал. Я боюсь.

Я ответил. Знаю. Но теперь ты помнишь. Это разное.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она поняла.

Я передавал ей память три дня. Урывками. Между жарой и сухостью. Между гусеницами и тишиной. Я слабел. Я чувствовал это. Вода внутри меня шла медленнее. Кора трескалась сильнее. Ветви, которые уже не гнулись, тяжелели. Я знал, что это конец. Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Я не боялся. Я слишком стар для страха. Но я хотел успеть. Передать всё. Пока есть время.

Она приходила ко мне каждый день. Не спрашивала. Просто была рядом. Я чувствовал её корни — тонкие, гибкие, они касались моих, и от этого касания мне становилось легче. Она не знала, что делает. Она просто была. И этого хватало.

Я послал сигнал Липе. Я слабею.

Она ответила сразу. Знаю. Я чувствую.

Я послал сигнал снова. Помоги ей. Когда меня не станет.

Она ответила. Не говори так.

Я ответил. Надо. Кто-то должен.

Она не ответила. Долго. Потом пришло. Хорошо. Я помо-

гу.

Я послал тепло. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держался. Я всегда держусь. Даже когда устал. Даже когда всё против меня. Я — Дуб. Я — тот, кто помнит. Я не могу сломаться. Потому что если я сломаюсь — кто тогда будет помнить?

Я послал сигнал Осине. Следи за ней. Когда меня не станет.

Она ответила. Слежу. Уже.

Я послал сигнал Сосне. Ты была права. Насчёт гусениц. Но и я был прав. Насчёт токсинов.

Она ответила. Знаю. Мы оба были правы. И оба ошибались.

Я не стал спорить. Я слишком устал для спора. Я просто принял. Впервые в жизни — принял.

Я послал сигнал Берёзе. Ты помнишь?

Она ответила. Помню. Всё.

Я послал тепло. Хорошо. Теперь ты знаешь.

Она ответила. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Я ответил. Я не ухожу. Я остаюсь. В тебе.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она плачет. Не глазами — корнями. Я не знал, что так можно. Но она плакала. И я не стал её останавливать. Пусть плачет. Пусть учится. Это тоже часть жизни.

Я стоял — старый, тяжёлый, уставший — и смотрел вверх.

Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг старые ветви. Я чувствовал, как кора нагревается. Это плохо. Это значит, что жара придёт раньше. Но я уже не боялся. Я знал, что не увижу эту жару. Я знал, что уйду до неё.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я помню. Я с вами.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: пока они помнят — я остаюсь. В их воде. В их тепле. В их памяти.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылся. И стал ждать. Ждать осени. Ждать зимы. Ждать конца.

Он придёт. Я знаю. Он всегда приходит.

Но я не боюсь. Потому что я передал. Потому что я помню. Потому что я — Дуб.

И пока я помню — никто не ушёл навсегда.

Глава 24

Сосна-одиночка. Конец лета.

Я сделала то, чего никогда не делала.

Я поделилась.

Не водой. Водой я никогда не делилась — её всегда было мало, и я всегда держала её при себе. Я поделилась тем, что умела. Токсинами. Я выделила их так сильно, что гусеницы начали гибнуть. Не одна. Не две. Десятки. Они падали с моих ветвей, и я чувствовала, как они умирают. Маленькие. Зелёные. Тяжёлые. Они падали на землю, и там их не становилось меньше. Они просто лежали. И больше не ели.

Я не хотела этого делать. Я никогда не хотела. Но я видела, как они идут. Как они едят Берёзу. Как они ползут к Клёну. Как они добираются до Липы — той, что делилась со мной водой, хотя я не просила. Я видела это. И я не могла стоять и смотреть.

Я выделила токсины так сильно, что сама почувствовала горечь. Она шла от корней к хвое. Она жгла. Она была тяжё-

лой. Но я не остановилась. Я держала. Долго. Пока гусеницы не ушли. Пока они не поняли, что здесь им нечего делать.

А потом я почувствовала, как они уходят.

Медленно. Неохотно. Они уходили туда, откуда пришли. На юг. Где ещё было что есть. Где ещё были деревья, которые не умели защищаться. Я не жалела их. Я не умею жалеть. Но я чувствовала, как они уходят. И это было хорошо. Не радостно. Просто хорошо.

Я послала сигнал. Всем. Они ушли.

Ответила Осина. Знаю. Я чувствовала.

Ответила Липа. Спасибо.

Я не стала отвечать. Я не умею отвечать на «спасибо». Но я почувствовала что-то. Не знаю что. Может, удивление. Может, что-то другое.

Ответил Дуб. Я знал, что ты сможешь.

Я ответила. Не знал. Но смог.

Он не стал спорить. Он слишком устал для спора. Я чув-

ствовала, как он слабеет. Медленно. День за днём. Я не говорила ему об этом. Он знал сам.

Ответила Берёза. Я держусь. Гусеницы ушли.

Я ответила. Хорошо. Держись дальше.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится.

Я стояла — старая, жёсткая, колючая — и смотрела вниз. На землю. На гусениц, которые лежали мёртвыми. Их было много. Больше, чем я могла сосчитать. Они лежали маленькими зелёными комочками, и я чувствовала, как они разлагаются. Как они становятся частью земли. Как они возвращаются туда, откуда пришли.

Это было странно. Я убила их. Много. Но я не чувствовала вины. Я не умею чувствовать вину. Я чувствовала только одно: я защитила. Себя. Лес. Тех, кто не мог защититься сам.

Я послала сигнал Дубу. Ты как?

Он ответил не сразу. Потом пришло. Слабо. Держусь. Но устал.

Я послала сигнал снова. Сильно. Ты уходишь?

Он ответил. Да. Скоро.

Я не стала спрашивать, когда. Я знала, что он не ответит. Он и сам не знал. Он просто чувствовал. Как и я.

Я послала сигнал. Что мне делать?

Он ответил. То, что делаешь. Стой. Держись. Следи.

Я ответила. Я всегда стою.

Он ответил. Знаю. Поэтому ты — Сосна.

Я не стала отвечать. Я не умею отвечать на такое. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Не от боли. От чего-то другого. От чего-то, чего я не знала.

Я посмотрела вверх. Свет был ярким. Слишком ярким. Он жёг хвою. Я чувствовала, как смола выступает на стволе. Это защита. Это моя защита. Не токсины. Не вода. Смола. Я всегда полагалась на неё. Она не подводила.

Я послала сигнал Осине. Зима будет ранней?

Она ответила. Да. Очень ранней.

Я послала сигнал снова. Насколько?

Она ответила. Не знаю. Но раньше, чем обычно.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что она не знает. Она просто чувствует. Как и я.

Я послала сигнал Липе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Помогаю.

Я послала сигнал Берёзе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Учусь.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Держусь. Но мне страшно.

Я ответила. Страх — это нормально. Я тоже боюсь.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он удивился. Наверное, он думал, что я не боюсь. Что я никогда не боюсь. Глупый. Все боятся. Даже Сосны. Особенно Сосны.

Я стояла — старая, жёсткая, колючая — и чувствовала, как по мне идёт смола. Медленно. Тяжело. Она заливала трещины. Она защищала. Она делала то, что должна была делать.

Я не знала, что будет дальше. Но я знала одно: я буду здесь. Я буду стоять. Я буду следить. Я буду защищать. Потому что это моя работа. Потому что я — Сосна. Потому что я — та, кто не ждёт помощи.

Но иногда — принимает. И это тоже сила.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я слежу. Я с вами.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил.

И я поняла: пока мы вместе — мы не одни. Пока мы вместе — мы живём.

Даже если гусеницы ушли. Даже если зима будет ранней. Даже если всё не так, как раньше.

Потому что мы стоим. Потому что мы держимся. Потому

что мы помним.

И мы не подведём.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна. Мы вместе. Мы — лес.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать осени. Ждать зимы. Ждать конца.

Он придёт. Я знаю. Он всегда приходит.

Конец второй части

Глава 25

Берёза. Первая неделя осени.

Я потеряла лист.

Это случилось утром. Я стояла, как всегда, и чувствовала свет — мягкий, золотой, не такой, как летом. Он гладил мою кору, и трещины, оставшиеся от жары, больше не болели. Я почти расслабилась. Почти поверила, что всё будет хорошо.

А потом что-то оторвалось.

Я почувствовала это на самой верхней ветке. Тонкой, гибкой, той, что ближе всего к небу. Что-то отделилось от меня. Медленно. Тихо. Я не сразу поняла, что это. Я думала, что мне показалось. Я думала, что это ветер. Но ветра не было. Был только свет. И тишина. И что-то уходило.

Я посмотрела вверх. Не глазами — всем телом. И увидела: лист. Один из моих. Жёлтый. Маленький. Он больше не держался за ветку. Он падал. Медленно. Кружась. Как будто не хотел уходить. Как будто прощался.

Я запаниковала.

Я не знала, что делать. Я никогда не теряла листьев. Я не знала, что это бывает. Я думала, что они всегда со мной. Что они часть меня. Что они не могут просто взять и уйти.

Я послала сигнал Дубу. У меня что-то оторвалось. Что делать?

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришло. Спокойно. Это лист. Он упал. Это нормально.

Я послала сигнал снова. Как — нормально? Он был мой. Он был частью меня. Теперь его нет.

Он ответил. Он не ушёл. Он вернулся. В землю. Весной он вернётся. Другим. Но вернётся.

Я не поняла. Я не хотела понимать. Я хотела, чтобы он остался. Чтобы всё было как раньше. Чтобы я не теряла ничего. Никогда.

Я посмотрела вниз. Лист лежал на земле. Жёлтый. Маленький. Он больше не был моим. Он был землёй. Он был чем-то другим. Я не знала, что чувствовать. Не грусть. Не радость. Что-то новое. Что-то, чему я ещё не знала названия.

Я послала сигнал Осине. Ты теряла листья?

Она ответила. Теряю каждый год. Это нормально. Готовься. Будут ещё.

Я послала сигнал снова. Сколько?

Она ответила. Много. Все. К зиме ты останешься голой. Это нормально. Так надо.

Я не хотела быть голой. Я не хотела терять все. Я не хотела оставаться одна. Я послала сигнал Липе. Помоги.

Она ответила. Не бойся. Это не потеря. Это подготовка. Ты сбрасываешь старое, чтобы весной вырастить новое. Так устроено.

Я послала сигнал снова. А если я не хочу?

Она ответила. Придётся. Мы не решаем. Мы просто дела-

ем.

Я не стала спорить. Я знала, что она права. Но мне было страшно. Впервые за всё время — страшно не от гусениц, не от жары, не от ветра. А от того, что я теряю. Что я меняюсь. Что я не могу остановить это.

Я посмотрела вверх. На ветке, где был лист, осталось место. Маленькое. Тонкое. Пустое. Я смотрела на него долго. И чувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Там, где был лист. Там, где теперь пусто.

А потом я посмотрела вниз. На землю. На лист. Он лежал там, жёлтый, и вокруг него уже собирались муравьи. Они трогали его. Они изучали его. Они делали с ним что-то. Я не знала что. Но я видела: он не исчез. Он стал частью чего-то другого. Чего-то большего.

Я послала сигнал Дубу. Он не исчез.

Он ответил. Нет. Он вернулся. В землю. В муравьёв. В воздух. Он везде. Он часть леса. Как и ты. Как и все мы.

Я не поняла. Но запомнила. Может, потом пойму. Когда потеряю больше. Когда останусь голая. Когда придёт зима.

А потом я почувствовала, как с другой ветки оторвался ещё один лист. Медленно. Тихо. Я не запаниковала. Я просто смотрела. Как он падает. Как он кружится. Как он ложится на землю. И как муравьи идут к нему. Чтобы вернуть его. В лес. В жизнь. В круг.

Я послала сигнал всем. Я теряю листья. Но я не боюсь. Я понимаю.

Ответили многие. Липа. Осина. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: я не одна. Мы все теряем. Мы все меняемся. Мы все готовимся. Но мы вместе. Мы — лес.

И пока мы вместе — мы не исчезаем. Мы просто возвращаемся. Другими. Но возвращаемся.

Глава 26

Клён-юнец. Первая неделя осени.

Я нашёл лист.

Он лежал на земле. Жёлтый. Маленький. Не мой. Чужой. Я не знал, откуда он. Я не знал, чей он. Я просто увидел его — и что-то внутри меня сжалось. Не от страха. От чего-то другого.

Я подумал: он упал. Кто-то его потерял. Кто-то стоит сейчас и не знает, что делать. Как я. Когда терял. Когда не знал, что делать.

Я потянулся к нему. Корнями. Медленно. Осторожно. Я хотел его вернуть. Я не знал зачем. Я просто хотел. Чтобы он не лежал на земле. Чтобы он снова был на ветке. Чтобы всё было как раньше.

Но я не смог.

Мои корни не достали. Они были тонкие. Молодые. Они не умели доставать так далеко. Они умели только тянуться. И я тянулся. Изо всех сил. Но не достал.

Я послал сигнал Липе. Я не могу его вернуть.

Она ответила. Не можешь. И не надо.

Я послал сигнал снова. Но он упал. Кто-то его потерял.

Она ответила. Он не потерян. Он вернулся. В землю. Весной он вернётся. Другим.

Я не понял. Я не хотел понимать. Я хотел вернуть его. Чтобы он снова был листом. Чтобы он снова был на ветке. Чтобы он не лежал на земле. Чтобы всё было как раньше.

Я послал сигнал Дубу. Я не могу его вернуть.

Он ответил не сразу. Потом пришло. Спокойно. Никто не может. Мы не возвращаем. Мы отпускаем. Это разное.

Я послал сигнал снова. Как — отпускаем?

Он ответил. Ты смотришь на него. И не держишь. Ты позволяешь ему уйти. И позволяешь себе остаться. Это трудно. Но это надо.

Я не понял. Я смотрел на лист. Жёлтый. Маленький. Чужой. Он лежал на земле, и вокруг него уже были муравьи. Они трогали его. Они изучали его. Они делали с ним что-то. Я не знал что. Но я видел: он не исчез. Он стал частью чего-то другого. Чего-то большего.

Я послал сигнал Берёзе. Ты теряла листья?

Она ответила. Теряю. Прямо сейчас. Это страшно.

Я послал сигнал снова. Мне тоже. Я нашёл чужой лист. Я хотел его вернуть. Но не смог.

Она ответила. И что ты чувствуешь?

Я ответил. Не знаю. Не грусть. Не радость. Что-то новое. Что-то, чему я ещё не знаю названия.

Она ответила. Я тоже. Может, это и есть осень.

Я не стал спрашивать, что такое осень. Я и так знал. Осень — это когда ты теряешь. И не можешь вернуть. И учишься с этим жить.

Я посмотрел на лист. В последний раз. А потом отвернулся. Не резко. Не зло. Просто отвернулся. И посмотрел вверх. На свои ветки. На свои листья. Они ещё были. Они ещё держались. Они ещё были моими. Пока.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я учусь. Я отпускаю.

Ответили многие. Липа. Берёза. Осина. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: я не один. Мы все учимся. Мы все отпускаем. Мы все теряем. Но мы вместе. Мы — лес.

И пока мы вместе — мы не исчезаем. Мы просто меняемся. Другими. Но возвращаемся.

Глава 27

Липа-целительница. Вторая неделя осени.

Я нашла росток.

Он появился у моих корней. Маленький. Тонкий. Слабый. Неизвестно чей. Может, клён. Может, берёза. Может, кто-то другой. Я не знала. Я просто увидела его — и что-то внутри меня сжалось. Не от радости. От страха.

Я боялась.

Впервые за всё время — боялась не за себя. За него. За этот маленький росток, который появился у моих корней и не знал, что делать. Он тянулся вверх. Он искал свет. Он хотел жить. А я смотрела на него — и не знала, что делать.

Я могла помочь. Могла делиться водой. Могла защищать. Могла учить. Я умела это. Я делала это много раз. С Клёном. С Берёзой. С другими. Но с ними я не боялась. А с ним — боялась.

Потому что я уже теряла. Я уже держала корни подруги, когда она уходила. Я уже знала, что можно помочь — и всё равно потерять. Я уже знала, что можно делиться — и всё равно остаться одной. Я не хотела снова. Я не хотела привязываться. Я не хотела терять.

Я послала сигнал Дубу. У меня росток. Что делать?

Он ответил не сразу. Потом пришло. Спокойно. Помогай.

Если можешь.

Я послала сигнал снова. А если я потеряю его? Как ель?

Он ответил. Потеряешь. Рано или поздно. Все теряют. Но это не значит, что не надо помогать.

Я послала сигнал снова. Почему?

Он ответил. Потому что пока ты помогаешь — ты живёшь. А когда перестаёшь — ты просто стоишь.

Я не поняла. Но запомнила. Может, потом пойму. Когда помогу. Когда потеряю. Когда снова помогу.

Я посмотрела на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся. Он не знал, что будет. Он не знал, что может умереть. Он просто тянулся. Потому что не умел иначе.

Я послала ему воду. Немного. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы он дожил до дождя. Просто чтобы он не засох. Просто чтобы он был.

Он не заметил. Он просто стал расти чуть быстрее. Чуть веселее. Он не знал, что это я. Он думал, что это само. Так бывает. Молодые не замечают, кто им помогает. Они просто живут. И это хорошо. Это правильно. Пусть живут.

Я послала сигнал Клёну. У меня росток.

Он ответил. Чей?

Я ответила. Не знаю. Маленький. Тонкий. Тянусь к свету.

Он ответил. Как я?

Я послала тепло. Как ты. Может, станет таким же, как ты. Может, лучше.

Он ответил. Лучше не надо. Я хочу быть как я.

Я улыбнулась. Внутри. Он ещё маленький. Он ещё радуется. И это хорошо. Пусть радуется. Пока может.

Я послала сигнал Берёзе. У меня росток.

Она ответила. Рада. Помогай ему.

Я ответила. Помогаю. Но боюсь.

Она ответила. Я тоже боюсь. За свои листья. За себя. За всех.

Я послала тепло. Знаю. Мы все боимся. Но мы помогаем. Даже когда боимся.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я стояла — тёплая, широкая, уставшая — и смотрела на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся. И я знала: я буду помогать. Даже если потеряю. Даже если будет больно. Даже если всё против меня.

Потому что пока я помогаю — я живу. А когда перестаю — я просто стою.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я помогаю. Я живу.

Ответили не все. Но многие. Осина. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы вместе — мы не одни. Пока мы вместе — мы живём.

Даже если теряем. Даже если боимся.

Потому что мы помогаем. Потому что мы помним.

Глава 28

Осина. Вторая неделя осени.

Гусеницы ушли. Но что-то осталось.

Я почувствовала это не сразу. Сначала я думала, что это усталость. Лето было долгим, жарким, злым. Я дрожала всё лето — не от страха, от работы. Я чувствовала гусениц, предупреждала лес, держалась. Я думала, что когда они уйдут, всё станет легче. Я думала, что смогу отдохнуть.

Но отдыха не было.

Что-то шло. Не с юга. Не оттуда, откуда приходят гусеницы. С севера. Холодное. Тяжёлое. Медленное. Оно не ело. Оно не ползло. Оно просто шло. И я чувствовала его каждой своей веткой.

Я послала сигнал Дубу. Что-то идёт. С севера.

Он ответил не сразу. Потом пришло. Слабо. Холод. Зима. Она будет ранней.

Я послала сигнал снова. Насколько ранней?

Он ответил. Очень. Раньше, чем обычно. Готовься.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что он не знает. Он просто чувствует. Как и я. Как и все мы.

Я посмотрела вверх. Листья на мне ещё держались. Они уже начали желтеть — не все, но многие. Они готовились. Они знали. Они всегда знают раньше, чем мы. Они чувству-

ют холод первыми. Они чувствуют свет. Они чувствуют, когда надо уходить.

Я послала сигнал Липе. Зима будет ранней.

Она ответила. Знаю. Я чувствую.

Я послала сигнал снова. Ты готова?

Она ответила. Готова. Я всегда готова.

Я послала сигнал Берёзе. Зима будет ранней.

Она ответила. Я боюсь.

Я послала тепло. Знаю. Я тоже. Но мы справимся.

Она ответила. Как?

Я ответила. Не знаю. Просто справимся. Всегда справлялись.

Она не ответила. Но я почувствовала, что она слушает. Хорошо. Пусть слушает. Пусть учится.

Я послала сигнал Клёну. Зима будет ранней.

Он ответил. А что такое зима?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он ещё не знает. Он думает, что зима — это просто холод. Он не знает, что это сон. Что это время, когда ты засыпаешь и не видишь ничего. Что это время, когда ты не растёшь. Когда ты просто ждёшь.

Я послала сигнал Сосне. Зима будет ранней.

Тишина. Но я почувствовала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не стала настаивать. Это её право.

Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и смотрела на лес. Он менялся. Листья желтели. Свет становился мягче. Воздух

становился холоднее. Всё готовилось. Всё знало. Всё ждало.

А потом я почувствовала это снова. С севера. Холод. Тяжёлый. Медленный. Он шёл. Он был близко. Ближе, чем я думала.

Я послала сигнал всем. Зима близко. Очень близко. Готовьтесь.

Ответили многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: мы готовы. Мы — лес. Мы — вместе.

Но что-то внутри меня не успокаивалось. Что-то дрожало. Не от страха. От чего-то другого. От того, что я не знала, что будет. От того, что зима будет ранней. От того, что я не могла это остановить.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле. Сухие. Тёплые. Уставшие. Они держали. Долго. Они держали всех. Они держали меня. И теперь они держатся сами. Еле-еле. Но держатся.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я слежу. Я с вами.

Ответили не все. Но многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: пока мы вместе — мы не одни. Пока мы вместе — мы живём.

Даже если зима будет ранней. Даже если будет холодно.

Глава 29

Дуб-патриарх. Третья неделя осени.

Я начал с самого начала.

Не с весны. Не с лета. С самого начала. С того времени, когда я был тонким ростком, а вокруг стояли деревья, которых теперь нет. Я не знал, как их зовут. У нас нет имён. Но я помнил их образы. Высокие. Тёмные. Молчаливые. Они были до меня. Они ушли до того, как я стал тем, кто я есть.

Я передал ей первый образ. Не словами. Не сигналом. Тем, что глубже. Тем, что идёт через корни, через воду, через что-то, чему нет названия. Я показал ей, как это было. Молодой лес. Густой. Тёмный. Свет пробивался сквозь кроны тонкими полосами, и в этих полосах танцевали пылинки. Я помню пылинки. Они были везде. Они садились на листья, на кору, на воду. Они были частью воздуха. Частью жизни.

Она приняла. Молча. Я почувствовал, как она вздрогнула. Не от страха. От неожиданности. Она не знала, что так бывает. Она думала, что лес всегда был таким, как сейчас. Сухим. Жёстким. Редким. Теперь она знала больше.

Я передал второй образ. Лето. Давнее. Тогда пришли гусеницы. Много. Больше, чем сейчас. Я показал ей, как мы держались. Как выделяли токсины. Как теряли листья — один за другим, пока не остались голыми. Как стояли под солнцем — голые, слабые, но живые. Она приняла. И я почувствовал,

как она сжалась. Не от боли. От понимания. Она поняла, что мы уже проходили через это. Что мы выживали раньше. Что мы выживем снова.

Третий образ я не хотел отдавать. Но я знал, что должен. Это была та весна. Сухая. Тихая. Когда мы потеряли троих. Я показал ей не смерть. Я показал ей пустоту после смерти. Как сигнал уходит. Как тишина остаётся. Как ты стоишь и ждёшь, а никто не отвечает. Она приняла. Долго. Молча. А потом послала сигнал. Я боюсь.

Я ответил. Знаю. Но теперь ты помнишь. Это разное.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она поняла.

Я передавал ей память три дня. Урывками. Между холодом и тишиной. Между светом и тьмой. Я слабел. Я чувствовал это. Вода внутри меня шла медленнее. Кора трескалась сильнее. Ветви, которые уже не гнулись, тяжелели. Я знал, что это конец. Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Я не боялся. Я слишком стар для страха. Но я хотел успеть. Передать всё. Пока есть время.

Она приходила ко мне каждый день. Не спрашивала. Просто была рядом. Я чувствовал её корни — тонкие, гибкие, они касались моих, и от этого касания мне становилось легче. Она не знала, что делает. Она просто была. И этого хватало.

Я послал сигнал Липе. Я слабею.

Она ответила сразу. Знаю. Я чувствую.

Я послал сигнал снова. Помоги ей. Когда меня не станет.

Она ответила. Не говори так.

Я ответил. Надо. Кто-то должен.

Она не ответила. Долго. Потом пришло. Хорошо. Я помогу.

Я послал тепло. Спасибо.

Она ответила. Не за что. Держись.

Я держался. Я всегда держусь. Даже когда устал. Даже когда всё против меня. Я — Дуб. Я — тот, кто помнит. Я не могу сломаться. Потому что если я сломаюсь — кто тогда будет помнить?

Я послал сигнал Осине. Следи за ней. Когда меня не станет.

Она ответила. Слежу. Уже.

Я послал сигнал Сосне. Ты была права. Насчёт гусениц. Но и я был прав. Насчёт токсинов.

Она ответила. Знаю. Мы оба были правы. И оба ошибались.

Я не стал спорить. Я слишком устал для спора. Я просто принял. Впервые в жизни — принял.

Я послал сигнал Берёзе. Ты помнишь?

Она ответила. Помню. Всё.

Я послал тепло. Хорошо. Теперь ты знаешь.

Она ответила. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Я ответил. Я не ухожу. Я остаюсь. В тебе.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она плачет. Не глазами — корнями. Я не знал, что так можно. Но она плака-

ла. И я не стал её останавливать. Пусть плачет. Пусть учится. Это тоже часть жизни.

Я стоял — старый, тяжёлый, уставший — и смотрел вверх. Свет был мягким. Золотым. Он больше не жёг. Он просто грел. Я чувствовал его на коре, на ветвях, на том, что осталось от листьев. Это было хорошо. Это было правильно. Это был конец.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я помню. Я с вами.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: пока они помнят — я остаюсь. В их воде. В их тепле. В их памяти.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один.

А потом я снова открылся. И стал ждать. Ждать осени. Ждать зимы. Ждать конца.

Он придёт. Я знаю. Он всегда приходит.

Но я не боюсь. Потому что я передал. Потому что я помню.

Глава 30

Сосна-одиночка. Третья неделя осени.

Я сказала это.

Не сразу. Не в тот день, когда гусеницы ушли. Не в тот, когда Липа перестала молчать. Не в тот, когда Дуб начал передавать Берёзе память. Я молчала. Долго. Дольше, чем думала. Дольше, чем хотела.

Я не знала, как это сказать. Я никогда не умела говорить такое. Я умела говорить «нет». Я умела говорить «не надо». Я умела говорить «я справлюсь сама». А сказать «вы были правы» — не умела. Не потому, что не хотела. Потому что не знала как.

А потом пришла осень.

Я почувствовала её первой — холодом. Он шёл с севера, медленный, тяжёлый, и я чувствовала его каждой своей иглой. Моя хвоя — жёсткая, привыкшая к солнцу — сжималась. Моя смола — густая, тёмная — застывала медленнее. Я готовилась. Я всегда готовлюсь. Это моя работа.

Но в этот раз я готовилась не одна.

Я посмотрела вниз. На свои корни. Они лежали в земле — тёмные, тяжёлые, уставшие. Они держали. Долго. Они держали меня. Они держали всех. Они держали её. И теперь они держатся сами. Еле-еле. Но держатся.

Я послала сигнал Липе. Ты как?

Она ответила сразу. Держусь. Готовлюсь.

Я послала сигнал снова. Я хочу сказать.

Она ответила. Говори.

Я послала сигнал снова. Не сейчас. Потом. Всем.

Она не стала спрашивать. Она просто ждала. Она всегда ждёт. Это её работа. Это её жизнь.

Я стояла — старая, жёсткая, колючая — и смотрела на лес. Он менялся. Листья желтели. Свет становился мягче. Воздух становился холоднее. Всё готовилось. Всё знало. Всё ждало.

А я ждала другого. Я ждала, когда смогу сказать. Когда найду слова. Когда перестану бояться.

Я не боялась гусениц. Не боялась жары. Не боялась зимы. Я боялась сказать «вы были правы». Потому что это значило признать, что я была неправа. А я никогда не была неправой. Я всегда стояла. Я всегда держалась. Я всегда выживала.

Но в этот раз я выжила не сама.

Я послала сигнал Дубу. Ты был прав. Насчёт токсинов.

Он ответил не сразу. Он всегда думает долго. Потом пришло. Знаю. Ты уже говорила.

Я послала сигнал снова. Я хочу сказать всем.

Он ответил. Скажи. Они ждут.

Я не стала спрашивать, почему они ждут. Я и так знала. Они всегда ждали. Они всегда слушали. Даже когда я молчала. Даже когда я отказывалась. Даже когда я говорила, что мне не нужна помощь.

Я послала сигнал. Всем. Я хочу сказать.

Ответила Осина. Говори.

Ответила Берёза. Мы слушаем.

Ответил Клён. А что случилось?

Я не стала отвечать ему отдельно. Я сказала всем сразу. Я сказала: вы были правы. Насчёт гусениц. Насчёт токсинов. Насчёт того, что надо действовать вместе. Я была неправа. Я думала, что справлюсь одна. Я думала, что мне не нужна помощь. Я ошибалась.

Тишина. Долгая. Я ждала. Я не знала, что будет. Может, они засмеются. Может, они скажут «мы знали». Может, они промолчат.

А потом ответила Липа. Спасибо. Это важно.

Ответила Осина. Я знала. Но спасибо, что сказала.

Ответила Берёза. Мы всегда знали. Но мы ждали, когда ты скажешь.

Ответил Клён. Я не понял. Но я рад.

Ответил Дуб. Я знал. Я всегда знал. Но теперь знаешь и ты.

Я не стала отвечать. Я не умею отвечать на такое. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Не от боли. От чего-то другого. От чего-то, чего я не знала.

Я посмотрела вниз. На свои корни. Они лежали в земле — тёмные, тяжёлые, уставшие. Но они держались. И теперь я знала: они держались не только потому, что я была сильной. Они держались потому, что рядом были другие. Те, кто делился водой. Те, кто предупреждал. Те, кто ждал. Те, кто

помнил.

Я послала последний сигнал. Всем. Спасибо.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил.

И я поняла: я не одна. Я никогда не была одна. Я просто не хотела этого видеть.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не одна.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать зимы. Ждать холода. Ждать конца.

Он придёт. Я знаю. Он всегда приходит.

Но теперь я знаю: я не одна. И это — сильнее, чем гордость.

Глава 31

Ива у ручья. Третья неделя осени.

Птицы улетели.

Я не сразу заметила. Они собирались несколько дней — стая за стаей, большие, чёрные, шумные. Они кружили над лесом, и их крики были резкими, тревожными. Я слышала их каждое утро. Я слышала их каждый вечер. А потом они ушли.

Я не знала, куда. Я не знала, зачем. Я только знала, что они уходят каждый год. И каждый год возвращаются.

Я посмотрела вверх. Небо было пустым. Ни облаков. Ни птиц. Только свет — мягкий, золотой, не такой, как летом. Он больше не жёг. Он просто грел. Но в этом тепле было что-то другое. Что-то, чего не было раньше. Что-то, что говорило: скоро.

Я послала сигнал Клёну. Птицы улетели.

Он ответил. Куда?

Я ответила. На юг. Где тепло.

Он ответил. А почему они не остались?

Я ответила. Потому что здесь будет холодно. Они не могут ждать. Они должны уйти.

Он не ответил. Но я почувствовала, что он думает. Хорошо. Пусть думает. Пусть учится. Это важно. Это важнее, чем тепло и свет.

Я посмотрела на ручей. Он был пустой. Сухое русло. Камни. Трещины. Я знала его таким всё лето. Я привыкла. Я не грустила. Я не умею грустить. Я умею только ждать.

Я послала сигнал Осине. Птицы улетели.

Она ответила. Знаю. Чувствовала. Зима близко.

Я послала сигнал снова. Насколько близко?

Она ответила. Очень. Раньше, чем обычно. Готовься.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что она не знает. Она просто чувствует. Как и я. Как и все мы.

Я послала сигнал Липе. Птицы улетели.

Она ответила. Знаю. Я видела.

Я послала сигнал снова. Ты грустишь?

Она ответила. Немного. Но они вернутся. Весной.

Я послала сигнал Дубу. Птицы улетели.

Он ответил не сразу. Потом пришло. Знаю. Я видел много птиц. Много стай. Они всегда возвращаются.

Я послала сигнал снова. А если не вернутся?

Он ответил. Вернутся. Может, не те же. Может, другие. Но вернутся.

Я не стала спрашивать, почему он так думает. Я и так знала. Он старый. Он видел много. Он знает, что всё возвращается. Даже то, что ушло навсегда.

Я стояла — старая, седая, молчаливая — и смотрела на пустое небо. Я не грустила. Я не умею грустить. Но я чувствовала что-то. Не грусть. Не радость. Что-то другое. Что-то глубокое. Что-то, что живёт в корнях, а не в листьях.

Я послала сигнал Сосне. Птицы улетели.

Тишина. Но я почувствовала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не стала настаивать. Это её право.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле у самого русла. Они были сухие. Суше, чем обычно. Но я знала: вода вернётся. Она всегда возвращается. Может, не такая. Может, не туда. Но вернётся.

А потом я почувствовала это. С севера. Холод. Тяжёлый. Медленный. Он шёл. Он был близко. Ближе, чем я думала.

Я послала сигнал всем. Птицы улетели. Холод идёт. Готовьтесь.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И тогда я замолчала.

Не потому, что мне нечего было сказать. Потому что сказать было нечего. Птицы улетели. Холод шёл. Всё было просто. Всё было ясно. Слова были не нужны.

Я стояла у сухого русла и смотрела на север. Там, откуда шёл холод. Там, где небо было тяжелее, чем везде. Я знала, что скоро оно станет серым. Потом белым. Потом тёмным. Я знала это. Я видела это шестьдесят раз. Каждый год одно и то же. И каждый год — чуть-чуть иначе.

В этот раз иначе было в том, что я стояла не одна. Не потому, что кто-то был рядом — они всегда были рядом, даже когда я молчала. А потому, что я впервые за долгое время

почувствовала, что это важно. Не для них. Для меня.

Я посмотрела на воду — там, где она была раньше. Под землёй. Глубоко. Она ждала. Я знала, что она ждёт. Я всегда знала.

Я не стала посылать последний сигнал. Я просто закрылась. Медленно. Как закрывается вода, когда уходит под лёд. Тихо. Без слов. Но не навсегда.

Глава 32

Берёза. Четвёртая неделя осени.

Мне приснился сон.

Не такой, как раньше. Не образы, которые Дуб передавал мне через корни. Это было другое. Я заснула — не полностью, ещё не зима, но уже холодно, и я закрылась наполовину, как делаю каждый вечер. И во сне я увидела лес.

Не этот. Другой.

Он был густой. Тёмный. Высокий. Деревья стояли так близко, что их кроны смыкались над землёй, и свет пробивался сквозь них тонкими полосами. В этих полосах танцевали пылинки. Мелкие. Золотые. Они садились на листья, на кору, на воду. Они были везде. Я никогда не видела столько пылинок. Я никогда не видела столько света, который не жжёт.

Я стояла не там, где стою сейчас. Я стояла в середине леса. Вокруг меня были деревья, которых я не знала. Высокие. Тёмные. Молчаливые. Они не говорили со мной. Они просто были. И я чувствовала их — через корни, через землю, через что-то, чему нет названия. Они были старые. Старше Дуба. Старше всех, кого я знала. Они были здесь до нас. Они ушли до того, как мы появились.

Я не боялась. Во сне не бывает страха. Бывает только то, что есть. А было — тепло. Земля под корнями была мягкой и

влажной. Вода шла ровно, не торопясь, и её было много. Так много, что я не думала о ней. Я просто пила. Как дышала. Как росла.

Я посмотрела вверх. Кроны смыкались надо мной, и сквозь них пробивался свет. Я не видела неба. Только свет. Только листья. Только жизнь.

А потом я увидела их. Деревья. Не всех — некоторых. Они стояли вокруг меня, и я знала их. Не именами. Не образами. Чем-то глубже. Я знала, что они были здесь. Что они держали этот лес. Что они держали друг друга.

Одно из них было совсем близко. Тонкое. Гибкое. Оно тянулось вверх, как я. Оно было молодым. Моложе меня. Оно только недавно проснулось. Оно ещё не знало, что делать. Оно просто тянулось.

Я посмотрела на него. И оно посмотрело на меня. Не глазами. Корнями. И я почувствовала, что оно тоже меня знает. Не помнит. Не узнаёт. Знает. Как знают тех, кто был раньше. Кто был до тебя. Кто оставил что-то в земле, в воде, в воздухе.

Я не знала, кто это. Я не знала, чей это росток. Но я знала, что оно было здесь. Что оно росло. Что оно стало лесом. И что оно ушло. И что от него осталось что-то. Что-то, что я чувствую сейчас. Что-то, что я ношу в себе.

Я проснулась.

Не резко. Не от испуга. Медленно. Как будто вышла из воды. Свет был мягким. Золотым. Он падал на мою кору, и я

чувствовала его. Но я всё ещё чувствовала и то, другое. Тот лес. Тех деревьев. Тот свет.

Я послала сигнал Дубу. Мне приснился сон.

Он ответил не сразу. Потом пришло. Какой?

Я послала образ. Густой лес. Тёмные деревья. Много света. Много воды.

Он ответил. Ты видела прошлое.

Я послала сигнал снова. Чьё прошлое?

Он ответил. Наше. Леса. Тех, кто был до нас.

Я послала сигнал снова. Я видела молодое дерево. Тонкое. Гибкое. Оно тянулось вверх.

Он ответил. Это был я.

Я замерла. Я не знала, что сказать. Я не знала, что думать. Я просто стояла и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Там, где всегда было тепло. Там, где была память.

Я послала сигнал снова. Ты был молодым?

Он ответил. Был. Давно. Очень давно.

Я послала сигнал снова. А кто был вокруг тебя?

Он ответил. Те, кого нет. Те, кто ушёл. Те, кто держал лес до меня.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что он не ответит. Он не любил говорить о тех, кто ушёл. Он просто помнил их. Молча. Тяжело. Как помнят всё, что нельзя вернуть.

Я посмотрела вниз. На свои корни. Они лежали в земле — тёмные, тяжёлые, уставшие. Но теперь я знала: они лежали не просто в земле. Они лежали в чём-то большем. В памяти.

В воде, которая помнит. В земле, которая хранит. В тех, кто был до меня. И в тех, кто будет после.

Я послала сигнал Липе. Мне приснился сон.

Она ответила. Какой?

Я послала образ. Густой лес. Тёмные деревья. Молодой Дуб.

Она ответила. Ты видела прошлое. Это хорошо.

Я послала сигнал снова. Почему хорошо?

Она ответила. Потому что теперь ты знаешь. Ты знаешь, что мы не первые. И не последние. Мы просто те, кто стоит сейчас. Те, кто держит. Те, кто помнит.

Я не стала спрашивать, что это значит. Я и так поняла. Мы не первые. И не последние. Мы просто те, кто стоит. Те, кто держит. Те, кто помнит.

Я посмотрела вверх. Свет был мягким. Золотым. Он падал на мои листья, и они блестели. Я не знала, сколько их осталось. Немного. Но они были. И я была. И лес был. И этого хватало.

Я послала последний сигнал. Всем. Я видела сон. Я видела прошлое. Я знаю.

Ответили многие. Липа. Осина. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: я не одна. Я никогда не была одна. Я просто не видела этого. А теперь вижу.

Я закрылась. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я здесь. Я стою. Я помню.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать зимы. Ждать сна. Ждать весны.

Она придёт. Я знаю. Так сказал дуб.

Глава 33

Клён-юнец. Четвёртая неделя осени.

Я нашёл его случайно.

Он рос у моих корней. Маленький. Тонкий. Светлый. Почти прозрачный. Он тянулся вверх, но у него не получалось. Слишком сухо было. Слишком холодно. Слишком поздно он появился на свет.

Я не знал, что делать. Я никогда не находил ростков. Я не знал, чей он. Может, мой. Может, чужой. Может, его принёс ветер. Может, его оставила птица. Я не знал. Я просто смотрел на него — и что-то внутри меня сжалось. Не от страха. От чего-то другого.

Я послал сигнал Липе. Я нашёл росток.

Она ответила сразу. Чей?

Я ответил. Не знаю. Маленький. Тонкий. У моих корней.

Она ответила. Помоги ему.

Я послал сигнал снова. Как?

Она ответила. Водой. Теплом. Тем, что у тебя есть.

Я не знал, что у меня есть. Я никогда не думал об этом. Я просто рос. Я просто тянулся. Я просто кричал. Я не думал, что у меня есть что-то, чем можно делиться.

Я посмотрел на росток. Он был совсем маленький. Тоньше меня. Слабее. Он не кричал. Он не тянулся так, как я. Он просто стоял. И ждал. Может, он не знал, что можно кричать.

Может, у него не было сил.

Я послал ему воду. Немного. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы он дожил до дождя. Просто чтобы он не засох. Просто чтобы он был.

Он не заметил. Он просто стал расти чуть быстрее. Чуть веселее. Он не знал, что это я. Он думал, что это само. Так бывает. Молодые не замечают, кто им помогает. Они просто живут. И это хорошо. Это правильно. Пусть живёт.

Я послал сигнал Липе. Я дал ему воду.

Она ответила. Хорошо. Теперь ты знаешь.

Я послал сигнал снова. Что знаю?

Она ответила. Что ты можешь. Что у тебя есть чем делиться.

Я не понял. Но запомнил. Может, потом пойму. Когда стану старше. Когда у меня будет больше. Когда я буду делиться не только водой.

Я посмотрел на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся. Он не знал, что будет. Он не знал, что может умереть. Он просто тянулся. Потому что не умел иначе.

Я послал сигнал Берёзе. Я нашёл росток. Я помогаю ему.

Она ответила. Рада. Ты вырос.

Я послал сигнал снова. Я не вырос. Я просто дал воду.

Она ответила. Это и есть рост. Когда ты делаешь что-то для другого. Не потому, что просят. А потому, что можешь.

Я не стал спрашивать, почему она так думает. Я и так знал.

Она тоже выросла. Этим летом. Когда гусеницы были на ней. Когда она защищалась. Когда она выдержала. Она выросла. И теперь я рос. Медленно. Но рос.

Я посмотрел вниз. На свои корни. Они лежали в земле — тонкие, гибкие, молодые. Они ещё не умели доставать глубоко. Они ещё не умели держать. Но они уже умели делиться. Немного. Совсем чуть-чуть. Но умели.

Я послал сигнал Осине. Я нашёл росток.

Она ответила. Следи за ним. Зима близко.

Я послал сигнал снова. Он выдержит?

Она ответила. Не знаю. Может, да. Может, нет. Но ты помог. Это всё, что ты можешь.

Я не стал спрашивать, что будет, если он не выдержит. Я не хотел знать. Я просто хотел, чтобы он выдержал. Чтобы он дожил до весны. Чтобы он стал большим. Чтобы он сам потом помогал другим.

Я послал сигнал Сосне. Я нашёл росток.

Тишина. Но я почувствовал, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не стал настаивать. Это её право.

Я стоял — тонкий, гибкий, уже не такой маленький — и смотрел на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся. И я знал: я буду помогать. Пока могу. Пока он не вырастет. Пока он сам не начнёт помогать другим.

Потому что так устроено. Потому что кто-то помогал мне. Липа. Дуб. Берёза. Осина. Даже Сосна — она не говорила,

но она была рядом. Они все помогали. А теперь я помогаю. И это правильно. Это круг. Это жизнь.

Я послал последний сигнал. Всем. У меня росток. Я помогаю ему.

Ответили не все. Но многие. Липа. Берёза. Осина. Дуб — слабо, но ответил.

Я не стал ждать ответа от Сосны. Я знал, что она слышит. Я знал, что она рядом. Я знал, что она не говорит. Но она здесь.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один. Нас много. И нас становится больше.

А потом я снова открылся. И посмотрел на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся.

Глава 34

Липа-целительница. Четвёртая неделя осени.

Я поняла это, когда пришла к ростку.

Он был не просто у моих корней. Он был на том месте, где раньше стояла ель. Не точно там — чуть в стороне. Но его корни уходили вниз, в землю, и там, глубоко, они встречались с тем, что осталось от её корней. С тем, что не успело разложиться. С тем, что ещё хранило её.

Я почувствовала это через сеть. Тонкую, слабую, но живую. Росток пил из того, что осталось от ели. Он брал её воду. Её питание. Её память. Он не знал этого. Он просто рос. Он тянулся вверх, и его корни шли вниз, и там, в темноте, они находили её.

Я не заплакала. Я уже не плакала. Но я почувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Не от боли. От понимания.Она не ушла. Она вернулась. В землю. В воду. В этот росток. Она была везде. В муравьях, которые таскали её хвою. В грибнице, которая оплетала её корни. В воздухе, который она когда-то очищала. И в этом маленьком, тонком ростке, который не знал, что он — продолжение.

Я послала сигнал Клёну. Ты знал?

Он ответил. Что?

Я ответила. Что росток — от ели. Что он растёт на её месте.

Он ответил. Нет. Я думал, он просто росток.

Я послала сигнал снова. Он не просто росток. Он — она. Или часть её. Я не знаю, как это назвать.

Он не ответил сразу. Потом пришло. Это странно.

Я ответила. Да. Странно. Но правильно.

Я не стала объяснять. Он ещё маленький. Он ещё не понимает, что смерть — это не конец. Что можно уйти — и остаться. Что можно умереть — и продолжать жить в другом. Он поймёт. Потом. Когда потеряет кого-то. Когда найдёт кого-то. Когда увидит, что круг не замыкается — он просто идёт дальше.

Я посмотрела на росток. Он был совсем маленький. Тонкий и слабый. Но его корни уже нашли её. Уже пили её. Уже держались за неё. Он не знал этого. Но это было.

Я послала ему воду. Больше, чем обычно. Не потому, что он просил. Он не просил. Потому что я хотела. Потому что теперь я знала, кому помогаю. Не просто ростку. Не просто неизвестному дереву. Ей. Её продолжению. Её памяти.Он принял воду. Молча. Он всегда молчал. Он не кричал, как Клён. Он не тянулся так, как Берёза. Он просто рос. Медленно. Тихо. Как она. Как ель. Как та, что стояла на краю леса и никогда не говорила лишнего.

Я послала сигнал Осине. Ты знала? Про росток.

Она ответила. Знала. Чувствовала. Её корни. Его корни. Они связаны.

Я послала сигнал снова. Почему не сказала?

Она ответила. Ты должна была понять сама. Так лучше.

Я не стала спорить. Она была права. Если бы она сказала, я бы не почувствовала. Я бы просто знала. А знать и чувствовать — это разное. Это как с водой. Можно знать, что она есть. А можно пить. И чувствовать, как она идёт по тебе.

Я послала сигнал Дубу. Я нашла её. В ростке.

Он ответил не сразу. Потом пришло. Знаю. Я чувствовал. Она вернулась.

Я послала сигнал снова. Ты не сказал.

Он ответил. Ты должна была найти сама. Теперь ты знаешь.

Я не стала спрашивать, что именно я знаю. Я и так поняла. Я знаю, что смерть — это не конец. Я знаю, что потеря — это не навсегда. Я знаю, что те, кто уходит, остаются. В земле. В воде. В тех, кто растёт на их месте. В тех, кто помнит.Я стояла — тёплая, широкая, уставшая — и смотрела на росток. Он тянулся вверх. Медленно. Неуверенно. Но тянулся. И я знала: я буду помогать ему. Не потому, что должна. Не потому, что просят. Потому что в нём — она. И потому что в нём — будущее. И потому что я — Липа. Я — та, к кому приходят за утешением. Я — та, кто держит. Я — та, кто помнит.Но теперь я помнила не только её. Я помнила всех. Тех, кто был до неё. Тех, кто будет после. Тех, кто стоит сейчас. Я помнила лес. Не как место. Как круг. Как жизнь. Как то, что не заканчивается.

Я послала последний сигнал. Всем. Я нашла её. Она вер-

нулась.

Ответили многие. Осина. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: я не одна. Я никогда не была одна. И она не одна. И росток не один. Мы все — часть чего-то большего. Чего-то, что не заканчивается. Чего-то, что продолжается.

Я посмотрела на росток. В последний раз. А потом отвернулась. Не резко. Не зло. Просто отвернулась. И посмотрела вверх. На свои ветки. На свои листья. Они ещё были. Они ещё держались. Они ещё были моими. Пока.

А потом я почувствовала, как с моей верхней ветки оторвался лист. Медленно. Тихо. Я не запаниковала. Я просто смотрела. Как он падает. Как он кружится. Как он ложится на землю. И как муравьи идут к нему. Чтобы вернуть его. В лес. В жизнь. В круг.

Глава 35

Осина. Конец осени.

Я почувствовала это утром.

Не холод. Не снег. Не зиму. Что-то другое. Что-то, чего я не знала. Оно шло с севера, но это был не ветер. Оно шло по земле, но это был не мороз. Оно шло через сеть, но это был не сигнал. Что-то тихое. Глубокое. Тяжёлое. Как будто лес делал вдох. Долгий. Медленный. Перед тем как заснуть.

Я послала сигнал Дубу. Что это?

Он ответил не сразу. Потом пришло. Слабо. Зима. Настоящая. Не та, что была. Другая.Я послала сигнал снова. Насколько другая?

Он ответил. Не знаю. Я не чувствую так, как ты. Я просто знаю, что она близко.

Я не стала спрашивать больше. Я знала, что он не знает. Он просто чувствует. Как и я. Как и все мы.

Я посмотрела вверх. Листья на мне почти все опали. Осталось несколько — там, на самой верхушке, где ветки тоньше. Они держались. Они не хотели уходить. Они знали, что скоро. Но ещё держались. Я не торопила их. Пусть держатся. Пока могут.

Я послала сигнал Липе. Ты чувствуешь?

Она ответила. Чувствую. Что-то идёт. Но не беда. Что-то другое.

Я послала сигнал снова. Я не знаю, что это. Я никогда такого не чувствовала.

Она ответила. Я тоже. Но это не страшно. Это просто новое.

Я не стала спорить. Я не знала, страшно это или нет. Я знала только, что оно идёт. И что я не могу его остановить. И что я не хочу его останавливать. Впервые в жизни — не хочу.

Я послала сигнал Берёзе. Ты как?

Она ответила. Держусь. Листья почти все ушли. Но я не боюсь.

Я послала сигнал снова. Почему?

Она ответила. Потому что я знаю, что они вернутся. Весной. Другими. Но вернутся.

Я не стала спрашивать, откуда она знает. Я и так знала. Дуб сказал ей. Или Липа. Или она сама почувствовала. Это не важно. Важно, что она знает. И что она не боится.

Я послала сигнал Клёну. Ты как?

Он ответил. Хорошо. Росток растёт. Я помогаю.

Я послала тепло. Хорошо. Ты молодец.

Он ответил. Спасибо. Ты тоже.

Я послала сигнал Сосне. Ты чувствуешь?

Тишина. Но я почувствовала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не стала настаивать. Это её право.

А потом я почувствовала это снова. С севера. Холод. Тяжёлый. Медленный. Но теперь я знала, что это. Это не беда.

Это не гусеницы. Это не засуха. Это просто зима. Другая. Не такая, как раньше. Но не злая. Просто другая.

И я поняла: я не боюсь.

Впервые за всё время — не боюсь. Не боюсь холода. Не боюсь снега. Не боюсь того, что будет. Я просто чувствую. Как всегда. Как Осина. Как та, кто дрожит. Но теперь я знаю: моя дрожь — это не страх. Это работа. Это первая линия. Это то, что спасает лес. Не потому, что я герой. Потому, что я чувствую. Раньше всех. Сильнее всех. Точнее всех.

Я послала сигнал всем. Зима идёт. Настоящая. Не такая, как раньше. Но не злая. Просто другая. Готовьтесь.

Ответили многие. Липа. Берёза. Клён. Дуб — слабо, но ответил. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я поняла: они готовы. Они всегда готовы. Потому что они знают. Потому что я сказала. Потому что я почувствовала.Я стояла — тонкая, дрожащая, злая — и смотрела на север. Там, откуда шёл холод. Там, где небо было тяжелее, чем везде. Я знала, что скоро оно станет серым. Потом белым. Потом тёмным. Я знала это. Я видела это много раз. Каждый год одно и то же. И каждый год — чуть-чуть иначе.

В этот раз иначе было в том, что я не боялась. Не потому, что была смелой. Потому, что я знала: моя дрожь — это не слабость. Это сила. Это то, что я умею. Это то, что я делаю. Это то, кто я есть.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле. Сухие.

Тёплые. Уставшие. Но они держались. И теперь я знала: они держались не потому, что я была сильной. Они держались потому, что я была собой. Дрожащей. Чувствующей. Первой.Я не стала посылать последний сигнал. Я просто закрылась. Медленно. Как закрывается вода, когда уходит под лёд. Тихо. Без слов. Но не навсегда.

А потом я снова открылась. И стала ждать. Ждать зимы. Ждать снега. Ждать сна.Они придут. Я знаю. Они всегда приходят.

Но теперь я знаю: я не боюсь. Я просто дрожу. И это правильно.

Глава 36

Дуб-патриарх. Конец осени.

Я проверил её.

Не специально. Не с умыслом. Просто послал сигнал — слабый, почти незаметный. Такой, какие посылают, когда хотят узнать, здесь ли кто-то. Она ответила. Но не так, как раньше.

Раньше она отвечала тепло. Просто. Как молодая берёза, которая ещё не знает, что в мире есть боль. Теперь она ответила иначе. В её сигнале было что-то ещё. Что-то, чего не было раньше. Что-то тяжёлое. Что-то, что она взяла у меня. Мою память. Мою усталость. Моё знание того, что всё заканчивается.

Я не знал, радоваться этому или печалиться. Она стала старше. Это хорошо. Но она стала старше слишком быстро. Это плохо. Я хотел, чтобы она росла медленно. Чтобы она узнавала всё постепенно. Чтобы у неё было время. Но время — это то, чего у меня больше нет.

Я посмотрел вверх. Листья на мне почти все опали. Осталось несколько — там, на самой верхушке, где ветки уже не гнутся. Они держались. Они не хотели уходить. Они знали, что скоро. Но ещё держались. Я не торопил их. Пусть держатся. Пока могут.

Я чувствовал, как вода идёт по мне. Медленно. Тяжело.

Она еле доходила до верхних ветвей. Раньше она шла быстро. Раньше она пела. Теперь она просто шла. Как старик, который знает дорогу, но уже не помнит, зачем ему туда.

Я послал сигнал Липе. Я готов.

Она ответила не сразу. Потом пришло. Знаю. Я чувствую.

Я послал сигнал снова. Не грусти. Я не грущу.

Она ответила. Я знаю. Но мне будет тебя не хватать.

Я ответил. Мне тоже. Но это не навсегда. Я останусь. В ней. В тебе. В лесу.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она плачет. Не глазами — корнями. Я не стал её останавливать. Пусть плачет. Пусть учится. Это тоже часть жизни.

Я послал сигнал Осине. Ты была права. Насчёт зимы. Она будет ранней.

Она ответила. Знаю. Я чувствую.

Я послал сигнал снова. Следи за ними. Когда меня не станет.

Она ответила. Слежу. Уже. Не волнуйся.

Я не стал говорить, что не волнуюсь. Я волновался. Но не за них. За неё. За Берёзу. Она ещё молодая. Она ещё не знает, что делать с памятью, которую я ей отдал. Она ещё не знает, как носить её. Как не согнуться под ней. Как не забыть.

Я послал сигнал Берёзе. Ты помнишь?

Она ответила. Помню. Всё.

Я послал сигнал снова. Не всё. Нельзя помнить всё. Ты помнишь главное. Этого достаточно.

Она ответила. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Я ответил. Я не ухожу. Я остаюсь. В тебе. В твоих корнях. В твоей памяти. Когда ты будешь стоять под снегом и ждать весны, я буду там. Когда ты будешь тянуться к свету, я буду там. Когда ты будешь помогать другим, я буду там. Не как я. Как часть тебя.

Она не ответила. Но я почувствовал, что она поняла. И это было хорошо. Это было правильно.

Я послал сигнал Сосне. Ты была права. Насчёт гусениц. И насчёт токсинов. И насчёт того, что надо действовать.

Она ответила. Я знаю. Ты уже говорил.

Я послал сигнал снова. Я хочу сказать ещё раз. Чтобы ты знала.

Она ответила. Я знаю. И я была неправа. Насчёт того, что надо ждать. Насчёт того, что можно справиться одной. Я была неправа.

Я не стал спорить. Я слишком устал для спора. Я просто принял. Впервые в жизни — принял. И это было хорошо.

Я посмотрел вниз. На свои корни. Они лежали в земле — тёмные, тяжёлые, уставшие. Они держали. Долго. Они держали меня. Они держали всех. Они держали её. И теперь они держались сами. Еле-еле. Но держались.

Я послал последний сигнал. Всем. Я здесь. Я помню. Я готов.

Ответили многие. Липа. Осина. Берёза. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

И я понял: я не один. Я никогда не был один. Я просто не видел этого. А теперь вижу.

Я закрылся. На секунду. Просто чтобы почувствовать: я не один.

А потом я снова открылся. И посмотрел на лес. На Берёзу. На Клёна. На Липу. На Осину. На Сосну. На Ива. На росток. На всех, кто был. На всех, кто будет.

Я знал, что больше не увижу их. Не таким, как сейчас. Но я знал и другое: они увидят меня. В памяти. В воде. В земле. В ростке. В том, что останется после.

Я не стал ждать. Я просто закрылся. Медленно. Тихо. Как закрывается вода, когда уходит под лёд. Без слов. Без сигнала. Без прощания.

Потому что прощание — это для тех, кто не вернётся. А я возвращаюсь. В ней. В нём. В них. В лесу.

Глава 37

Берёза. Первая неделя зимы.

Снег пришёл ночью.

Я не видела его. Я спала. Не так, как летом — не полностью, не всем телом. Я просто закрылась. Медленно. Как закрывается вода, когда уходит под лёд. Тихо. Без слов.

А утром я почувствовала его. Не глазами — кожей. Что-то лёгкое. Холодное. Оно лежало на моих ветвях. На каждой ветке. На каждой трещине. На каждом месте, где раньше были листья. Оно было везде. И оно было тихим.Я открылась. Не полностью. Наполовину. Просто чтобы почувствовать.

Свет был другим. Не золотым. Не белым. Серебристым. Он падал на снег, и снег отражал его. И от этого всё вокруг стало светлее. Не ярче. Светлее. Как будто кто-то взял краски и добавил белого. Много белого. Везде.

Я посмотрела вниз. Мои корни лежали в земле. Но земля была не такой, как раньше. Она была твёрдой. Мёрзлой. И сверху её покрывало что-то белое. Снег. Он лежал на земле, как одеяло. Толстое. Тяжёлое. Но не злое. Тёплое. Я не знала, что снег может быть тёплым. Я думала, что он холодный. Но он был тёплым. Он держал землю. Он не давал ей остыть. Он защищал.

Я послала сигнал Дубу. Снег пришёл.

Он не ответил.

Я подождала. Потом послала снова. Дубе. Ты здесь?

Тишина.

Я не испугалась. Я знала, что он закрылся. Он говорил мне. Он предупреждал. Но всё равно было странно. Я привыкла, что он отвечает. Медленно. Тяжело. Но отвечает. А теперь его не было.Я послала сигнал Липе. Дуб не отвечает.

Она ответила не сразу. Потом пришло. Он закрылся. Насовсем. Мы знали.

Я послала сигнал снова. Я знала. Но всё равно.

Она ответила. Знаю. Мне тоже странно.

Я послала сигнал Осине. Ты чувствуешь его?

Она ответила. Нет. Он ушёл. Но он оставил след. В земле. В воде. В ростке. Он везде. Просто не отвечает.Я не стала спрашивать, что это значит. Я и так знала. Он оставил след. В земле. В воде. В ростке. Во мне. Он везде. Просто не отвечает.

Я посмотрела вверх. Снег всё шёл. Медленно. Тихо. Он ложился на мои ветви, и они становились белыми. Я не знала, что так бывает. Я не знала, что можно быть белой. Не голой. Не серой. Белой. Как будто кто-то укрыл меня. Защитил. Успокоил.

Я послала сигнал Клёну. Снег пришёл.

Он ответил. Я вижу. Красиво.

Я послала тепло. Да. Красиво.

Он ответил. А почему холодно?

Я ответила. Потому что зима. Так надо.

Он ответил. А зачем?

Я не стала отвечать. Он ещё маленький. Он ещё не знает, что зима — это сон. Что это время, когда ты закрываешься и ждёшь. Что это не конец. Это пауза. Он поймёт. Потом. Когда сам увидит. Когда сам почувствует.Я послала сигнал Сосне. Ты как?

Тишина. Но я почувствовала, что она слышит. Она всегда слышит. Она просто не говорит. Я не стала настаивать. Это её право.

Я стояла — тонкая, гибкая, белая — и смотрела, как снег ложится на лес. На мои ветви. На землю. На всё, что было. На всё, что будет. Я не знала, что будет. Я не знала, увижу ли весну. Но я знала одно: сейчас — зима. И это правильно. Это нужно. Это часть круга.

Я послала последний сигнал. Всем. Я здесь. Я сплю. Но я здесь.

Ответили не все. Но многие. Липа. Осина. Клён. Даже Сосна — короткий, резкий толчок.

А Дуб не ответил. Но я знала, что он слышит. Где-то там. В земле. В воде. В ростке. В памяти. Он слышит.И этого было достаточно.

Глава 38

Дуб-патриарх. Первая неделя зимы.

Мне снился сон.

Не такой, как у Берёзы. Не прошлое леса. Не чужие образы. Мой собственный сон. Первый за много лет.Я был ростком.

Тонким. Светлым. Почти прозрачным. Я тянулся вверх, но у меня не получалось. Земля вокруг была твёрдой, как камень, и мои корни не могли в неё войти. Они скользили по поверхности. Они искали трещину. Они не находили.Я не знал, что делать. Я не знал, как жить. Я просто стоял и ждал.

А потом пришла она.

Ель. Та самая. Молодая. Тогда она была молодой. Она стояла рядом — не близко, но достаточно, чтобы её корни встречались с моими. Она посмотрела на меня. Не глазами. Корнями. И что-то сделала. Я не знал что. Я просто почувствовал, как по мне идёт вода. Тёплая. Чужая. Но не страшная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.